

ОТ НОМИНАНТА «БОЛЬШОЙ КНИГИ»

ЗОТОВ®

18+

АЙФОНГЕЛИЕ

Георгий Александрович Зотов

Айфонгелие

Серия «Невероятный Зотов»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25204357
Зотов, Г.А. Айфонгелие : [роман]: АСТ; Москва; 2017
ISBN 978-5-17-094272-5

Аннотация

М-да, случится же такое. Заходишь после работы в бар, а к тебе за стойку со стаканом вина подсаживается Иисус. Тот самый. Который понятия не имеет, почему он вдруг оказался в нашем времени. Но это еще ерунда. Вы даже не представляете, что произойдет дальше...

Содержание

Часть первая	5
Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	40
Глава 5	48
Глава 6	65
Глава 7	72
Глава 8	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Зотов

Айфонгелие

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Зотов Г.А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Часть первая

Нелюбовь

*Спаси нас, мы просим: от грома и ужасов,
От чёрных мундиров, от опустошенья.
От злобы, кошмаров и собственной глупости —
Пока не пришло саморазрушение...
Halloween, «Save Us»*

Пролог

...Я ощутил где-то в глубине сердца: она появится в моих покоех с минуты на минуту. Уфф... да естественно, я в курсе, что именно вы скажете... и, главное, с каким презрительным лицом. Ах-ах. Дескать, видали мы вагон и маленькую тележку таких доморощенных ясновидцев. Напрасно. Сие совсем не метафора – я действительно это знаю. Любезные мои, вы бы хоть однажды оставили свой вечный скептицизм да представили, какие грандиозные проблемы мои способности доставляют по жизни... впрочем, о чём я? Двадцать первый век уничтожил такое явление, как сочувствие, одарив человеческий организм двумя кнопками – «выпить» и «потрахаться»... простите, обсудим чуть позже. Нет сомнений – она идёт. Я закрываю глаза, представляю, как стучат по

коридору каблучки изящных туфель... явно подарок любовника, вряд ли она их купила, со своей-то зарплатой... Чувствую тёплое дыхание, вижу в мочках ушей покачивающиеся серьги – в виде полумесяца, из турецкого серебра. *Соратники* панически боятся её появления, да чего уж там – у кого-то она и вовсе вызывает полнейший ужас, до дрожи в коленках. Не поверите, меня неоднократно уверяли – срывающимся шёпотом, оглядываясь на дверь, – **хозяйка** появилась тут не без участия тёмных сил. Она подкуплена спецслужбами, профессионально занимается колдовством по поручению наших злейших врагов... А некоторым кажется, что её вообще нет: **хозяйка** здесь лишь благодаря нашему горячечному воображению. Кстати, последнюю точку зрения *соратники* отстаивают жарко и активно. Не хочу их разочаровывать. Мне версия даже нравится – эдакая суровая повелительница, королева монстров в ослепительно-белом платье (пусть сей факт вас не обманывает, белый в Азии – цвет траура... правда, мы не в Азии, но зато звучит круто). Копна чёрных волос, рассыпавшаяся по плечам, карие глаза, спрятанные за стёклами – очки, оседлавшие нос с горбинкой, – накрашенные уста, в коих одни предвидят оскал вампира, а другие – любовную усладу. Стук каблучков неумолимо приближается. Вечер – её время. Иногда мне жутко хочется почитать её мысли... от вас заразился. Люди беспардонны, правит бал мода вторжения в чужую жизнь. Тебе не скрыться. Сперва обвешали камерами улицы, а теперь у каждого – мо-

бильный телефон с видеосъёмкой. Караул. Ткнулся случайно на улице носом в мороженое, поскользнулся и хлопнулся в лужу? Лучше сразу застрелись – выложат на всеобщее обозрение, обсудят, засмеют. Современный человек живёт, как рыбка в аквариуме зоопарка: посетители подходят, улыбаются, тычут пальцами, стучат в стекло. И ведь всем нравится. Удивительные существа, правда? Хотя... чем я лучше? Каюсь, иногда тяжело сдержаться: читать мысли, предварительно сдунув пыль с мозгов, всё равно что листать старые книги в библиотеке. Забавно. Продавщица в винном магазине с детства мечтает полететь в космос и пройтись по Луне, а доктор наук, весь из себя интеллигентный и знающий пять языков, вздыхает по юношеским развлечениям, когда старшеклассники в подвале школы жрали без закуси спирт со ржавой водой, тоже мне напиток богов. Думают одно, а говорят другое. И так почти все. Хм, пожалуй, со словом «почти» я переборщил. Тут хотят не быть, а казаться.

Тем не менее я искренне люблю людей.

Я очень популярный человек. О моих способностях ходят легенды. Как и полагается, половина – попросту выдумки. Но неважно. *Соратники* и не думают сомневаться, они верят мне безоговорочно. Я локальный... есть такое модное слово... ну вроде гуру, что ли. Если бы я возжелал, ушёл бы отсюда сию минуту. Для меня это не тюрьма, а гостевой дом. Но здесь лучше, спокойнее и – не поверите – безопаснее. Кормят вот неважно, однако качество еды значения не

имеет. Я способен вкушать что угодно, у меня нет новомодных заморочек по поводу похудения. Население современных городов пугается всего, что съедобно. Сахар нельзя, мясо нельзя, пиво нельзя, хлеб нельзя (это хлеб-то, на котором их предки сызмальства выживали!), пить можно только воду талых ледников. Удивительно, как бедолаги вообще ещё живы. Питайся люди в раннее Средневековье пророщенными бобами и обезжиренным мороженым, целые государства вымерли бы без нашествия гуннов. Мой сосед, один из местных воинствующих веганов, – убийца. Задушил человек пять, я не уточнял. Специально в его мыслях не копался – всё равно мотивов никогда не пойму. Парень размером с быка, лысый, в татуировках. Но грызёт только морковочку и объясняет соседям: «я не ем тварей, которым Господь, как тебе и мне, дал горячую кровь... это грешно». Люди железобетонно уверены – вот, мужик добровольно отказался от истекающих кровью кусков мяса, не занимается «трупоедством» – ну надо же, так он сразу Махатма Ганди. Да блин... когда мне с незамутнённым взглядом объясняют, мол, если некто веган, то он добрее и нежнее к окружающим, я всегда привожу в пример Гитлера. Задумайтесь, ведь прямо плюшевый зайчик. Никакого алкоголя, только капустные котлетки на обед, сама доброта и вежливость. Убийца с морковочкой меня уважает, относится с благоговением и трепетом. Неудивительно, я имею богатый опыт общения с такими, как он, хотя и не отношусь к вегетарианцам.

Да и вина выпить люблю.

Это мой основной плюс, благодаря которому я популярен практически в любом кругу. Без преувеличений! О, если бы я захотел, то стал бы кем угодно: президентом, царём, императором. Без малейшего напряжения или противодействия: поверьте, за мои способности меня на руках носить будут. Однако и в мыслях не возникало. Я доволен нынешним положением. Оно значительно лучше того, что было прежде.

...Глаза остаются закрытыми. Стук каблучков прекращается. Ключ поворачивается в замке, и **хозяйка** проскальзывает в моё роскошное жилище. Предвкушаю вашу скептическую ухмылку. Да, роскошное. Современники искренне считают подобные бытовые условия убогими, а комнату – тесной. Немыслимо. Горячая вода, свет по нажатию пальца, всегда тепло – и им это не нравится. Самые могущественные владыки мира не могли мечтать о таком волшебстве, а простой народ недоволен. Девушка наклоняется, осторожно трогает моё плечо, – я притворяюсь спящим. Так лучше для её спокойствия. Я слышу флегматичным существом, даже заторможенным, поэтому она и заходит в моё жилище одна, без сопровождающих. Со мной без сложностей... я же не веган. В её глазах не светятся страх или подозрительность. Мы в неплохих отношениях. Порой у нас случаются короткие, ни к чему не обязывающие разговоры. Например – вы знаете, сегодня льёт дождь, а я забыла зонтик, как домой возвращаться? В этой стране обожают беседовать о погоде, пускай у

тебя в комнате нет окон, лишь глухие стены. Я давно открыл гостье своё имя, и её это абсолютно не поражает. В подобном равнодушии прелесть – тебе не нужно ничего скрывать, закутываясь в покрывало ложных прозвищ. Само собой, она мне не верит, и я её понимаю, до встречи со мной она знала ещё с двадцать самозванцев. Проверив, всё ли в комнате нормально, дама кладёт на тумбочку небольшую коробку (внутри шуршат и покатываются особые цилиндрики), следит за моей реакцией. Пожалуй, излишне пристально. Но я по-прежнему притворяюсь спящим, и она улыбается.

Мне не давали бы их. Увы, я сам виноват.

Однажды **хозяйка** посетила моё жилище и не обнаружила меня... Начались суматоха, крик, поиски... Почему-то подумали, будто я сбежал. А какой мне смысл? Тут полный штиль. Никто не реагирует на моё имя с ненавистью или смехом. Всем, в общем-то, по барабану.

Больше я так уже не делал. Нет, я по-прежнему покидаю обитель. Иногда и среди бела дня. Но отныне обеспечиваю крепчайшую иллюзию, что лежу на своей кровати, – тогда мой ангел-хранитель на каблучках невозмутима. Остальные тоже. Вот и славно, вы не находите? Скоро ночь, и я могу заглянуть к *соратникам*, в том числе и к убийце-вегану. Пообщаться. Посмотреть друг на друга. Даже поспорить, а почему бы и нет? Кстати, в приватных разговорах мне часто пеняют на устройство мира. Его несовершенство, несправедливость, грязь, болезни, ужасы. Одни люди до сих пор умирают от го-

лода и жажды, а другие – от передоза чёрной икры. Короче, куча всего такого лично мне неприятного. Отчего? Ну... как вам сказать. Да, я понимаю, насколько не удался мир. Кривобок, недоделан, чуть ткни – разваливается, нитки сгнили, гвозди ржавые. Да-да, в курсе. Мне ли это не знать? Я ЖЕ САМ ЕГО И СОЗДАЛ. Посему, моё местопребывание более чем логично. Выйдите на улицу, осмотритесь и подумайте: где же теперь может находиться ваш бог, кроме как в сумасшедшем доме?

...Да, простите, совсем забыл представиться. Меня зовут Иешуа. Точнее – Иисус. Так по-гречески, некогда популярный язык. На арабском я именуюсь Мессия, но это чересчур уж понтово, не находите? Короче, зовите, как вам будет удобно... мне не привыкать.

Глава 1

Джетлаг

(Садово-Сухаревская, квартира в «сталинке»)

...Он проснулся около двух часов ночи. Судорожно вдохнул воздух. Взгляд наткнулся на светящиеся цифры (часы на тумбочке у кровати): лицо недовольно сморщилось, как после лимона. Такая рань. Попробовал смежить веки и задремать. Глухо. Голова словно чугунная, во рту сухо, хочется в туалет. Человек отбросил одеяло, сел... долгое время смотрел в одну точку. Нехотя поднялся и медленно, в полной темноте побрёл в уборную. Не спустив после воду, зашёл в ванную комнату. Включил свет, тупо и долго рассматривал в заляпанном пятнами хлорки зеркале красные, слезящиеся глаза, помятое лицо с серой кожей, трещины на губах. Голова болела ужасно, как после недосыпа. Джетлаг – расстройство сна у часто летающих в командировки людей при смене часовых поясов... а также признак проблем с нервами. Повернул на кухню. Открыл холодильник, тускло взглянул на увядшую зелень и окаменевший сыр, вытянул из недр бутылку коричневого стекла. Вспомнился анекдот: «Если вам не спится, налейте себе граммов двести виски». – «Что, после я усну?» – «Нет, станет веселее бодрствовать». Горлышко застучало о стакан – дрожат руки. Да что ж такое... когда всё это наконец закончится?

Виски, вопреки ожиданиям, ничуть не успокоил.

Даже второй стакан. Даже третий – на вкус вода водой. Он искоса посмотрел в сторону телефона, передёрнулся. Всё как всегда. Давал себе неоднократно зарок – больше ни-ни. Хотя, рассуждая отвлечённо, выбор у него небогатый. Либо напиться до потери сознания (чего он позволить себе не может), либо всё же позвонить. Психотерапевт предоставлял ему набор скучных объяснений – паническая атака, стресс, нервное истощение на почве... О-о-о, сколько придумывается сейчас мудрёных слов, дабы вытянуть из человека деньги. Для сна рекомендуется лежать с закрытыми глазами и считать овец. Офигительное занятие. В прошлый раз он этих овец пересчитал, погрузил в машины, повёз на рынок, продал после жёсткого торга с деревенскими покупателями, пропил выручку в кабаке, приехав, поругался с овцеводом... а всё равно так и не заснул. Надо себе кого-нибудь завести, неважно, женщину или кошку... Вот так проснёшься ночью, и поговорить не с кем. Но ведь не это главное. Он поклясться готов: бессонница чем-то вызвана. Да, не просто так. Иногда прихватывает – просыпается, дышать не может, руки ходят ходуном, на губах слюна. И что, якобы на ровном месте?

Рассказывайте своей бабушке сказки.

Он резким движением схватил телефон. Подержал в руке, словно согревая. Покрутил, бесцельно рассматривая поверхность с идиотским названием «серый космос». Набрал номер и тут же сбросил. «Да что я как ребёнок-то». Снова

ткнул в иконку. Поднёс к уху.

– Алло.

– Что?!

– Алло, это я.

– Ты, блядь, соображаешь, сколько сейчас времени?

– Да.

– Ой, да о чём я. Тебя не волнуют такие мелочи, как разбудить среди ночи. Ты не спишь – значит, и остальные не должны. Ну, выкладывай, красавчик ты наш. Опять?

– Конечно.

– Ёб твою мать. Я это фигурально. Подожди, сигареты поищу. Не отключайся.

Вот. Стоило позвонить, тебе в секунду указали, какое ты ничтожество, обматерили и намекнули, что должен по гроб жизни. Будто всё только ему одному нужно! Абонент на другом конце провода чем-то гремел, нарочито вздыхал, неразборчиво бурчал. Наконец послышалось чирканье зажигалки, затем шумное (явно на публику) выдыхание дыма. Ты типа обязан понять, как отвлекаешь потрясающе занятого человека с безумно драгоценным временем.

– Слушаю тебя.

– Он точно здесь. Я чувствую. Можешь смеяться, мне плевать.

– Тебе самому-то не надоело?

– Нет. Ты же понимаешь – в случае чего, мы и сбежать не успеем...

– Ты это десять лет подряд долдонишь. Вдумайся. ДЕСЯТЬ. Не зная тебя, я сказал бы: ты свои мозги обвалял в кокаине, как котлету по-киевски в сухарях. Хорошо, давай на минуточку вообразим – ты прав и он действительно здесь. Парень не дал бы о себе знать? Сидит, затаившись, или, может быть, в какую-нибудь контору менеджером по продажам устроился? Зуб даю, он опять бы взялся за своё. Исцели то, воскреси это, прогуляйся по водам, накорми одним бутером толпу народа. У нас благодаря твоей паранойе куча времени уходит на отслеживание бульварной прессы и «жёлтых» сайтов: случись чудеса, про такое обязательно бы написали. Лучше вот что скажи. Сколько ещё лет ты будешь под утро пугать меня посредственными детскими страшилками? Найди себе либо шлюху, либо сиделку. Пусть за три тысячи рублей в час выслушивает, как он явился и идёт за нами. Только давнее знакомство не позволяет сейчас адресовать тебя на хер. Словно голливудский фильм смотрю: он грянет, он жаждет, он уже здесь.

Он почувствовал нарастающую нервную дрожь.

В голове словно вспыхнуло что-то яркое, как огромный огненный шар. Это был вовсе не страх – откровенная ненависть. Как же заколебала безмерно тупая сволочь. Предупреждаешь, объясняешь – всё без толку. Больше так жить невозможно. Покоя нет. Мозг измучен, хочется отдыха. Вечные синяки под глазами от недосыпа. Пьянки с блядьми. Любые методы, лишь бы отвлечься от скорбных мыслей! А этой тва-

ри всё нипочём. Можно подумать, достанется только ему одному.

– Я ещё ни разу не ошибался, – произнёс он неожиданно спокойно. – Мы могли бы упредить его действия, выяснить, где он, и исчезнуть. А может, и побороться за свои жизни. Он ведь не так всемогущ, как транслируется изо всех рупоров, особенно если застать врасплох. Да, я боюсь. Давай вспомним начало наших планов. Забыл? Вас на первых порах трясло не хуже моего, и в каждом прохожем тебе мерещилось его лицо. Со временем «отпустило»: полюбив наслаждаться жизнью, ты уверился, что он не появится никогда, всё лишь морок, выдумки, сказки. Не удивлюсь, если ты считаешь, будто его и не существовало, очень модная точка зрения.

Он горько усмехнулся, протянул руку за стаканом.

В трубке слышалось лишь дыхание – чувствовалось, собеседник поражён яростной отповедью. Вот что случается с людьми, привыкшими слышать лишь покорную лесть: любое резкое обращение шокирует их, выбивает из седла. Конечно, они самые умные, сверкающие звёзды, сногсшибательные короли песочницы, а тут существо, которое они всю жизнь считали мямлей, берёт и посылает их, интеллигентно выражаясь, на хуй. Мысленно торжествуя, он вылил в рот остатки виски.

– Ах, вот, стало быть, как? – обрела дар речи трубка.

– Да уж не сомневайся.

– Тварь неблагодарная. Слышать ничего не хочу больше. Даже если ты прав, справлюсь и без тебя, в одиночку. И это мне в награду за еженощную работу салфеткой по вытиранию твоих соплей? Слизняк. Тупица. Паникёр. Хватит звонить. Катись ты знаешь куда?

– Ага, а ты за мной. И, главное – пожалуйста, не сворачивай.

...Он швырнул телефон об стену с такой силой, что тот взорвался, как граната, разлетевшись по комнате мелкими пластмассовыми осколками. Спустя секунду там же лопнул стакан, оставив на жёлтых обоях тёмные, пахнущие алкоголем разводы. Человек вышел в гардеробную, через двадцать минут вернулся – в тёмном костюме, в белой, ещё вчера приготовленной рубашке, с аккуратно завязанным под горлом шёлковым галстуком. По полу дробно стучали каблуки ботинок. Напевая, посмотрелся в зеркало, побрызгался одеколоном, провёл тыльной стороной ладони по лицу, нащупывая щетину, и решил не бриться. Завернул на кухню, открыл холодильник, бросил в рот помидор черри. Раскрыл окно и встал на подоконник, вдыхая влажный после дождя ночной воздух. «Звёзды, – подумал человек. – Как жалко, что прямо сейчас не видно звёзд».

Он закрыл глаза. И шагнул вниз.

Глава 2

Фронт

(то же время, напротив Сухаревки, бар «Рок-н-ролл»)

– *(С насмешкой.)* И значит, всё так вообще элементарно?

– Да.

– *(Глоток из бокала.)* Повторим. Стало быть, ты – Господь?

– Я уже сказал, но подтвердить ещё раз – не проблема. Да, Господь – это я.

– Потрясающе. Сижу вот так запросто, разговариваю с богом. Клёво.

– *(С улыбкой.)* Я понимаю твой скептицизм.

– Нет, не понимаешь.

– Прекрасно понимаю.

– Как заебали повторы из телерекламы... ничего, что я матерюсь при Господе?

– Нет. Я же милостив.

– Вот спасибо. И зачем ты подсел ко мне за стойку? Думаешь, я тебе дам?

(Последнее произносится довольно агрессивно.)

– Как тебе сказать, чтоб не обиделась. Меня это не особо интересует. У вас в мире несколько странные отношения между мужчиной и женщиной. Словно на фронте. Каждый друг друга в чём-то подозревает, ведёт игру, как в контрраз-

ведке, и ждёт внезапную засаду, чтобы потом с боями вырваться из окружения. Женщины боятся, что их трахнут и бросят. Мужчины – что разведут на бабло. Цирк с конями, да и только.

(Весьма ощутимый глоток и изучение собеседника через стекло бокала.)

– Разве в твоей Палестине было иначе? Блин, сама не верю, что спрашиваю.

– Конечно, иначе. Люди не знали столь свободных отношений. Никто не боялся последствий добрачного секса, потому что его в природе не существовало. Предохранение считалось грехом, и им не заморачивались. Разумеется, налицествовали блудницы разной степени стоимости, но их порицали. Сейчас, по-моему, порицают тех, кто не соответствует критерию блудницы. Мало трахается, например. Эдакая овца.

– *(Морщится.)* О, до меня начинает доходить. Ты из «Свидетелей Иеговы», да? «Давайте с вами поговорим о Господе»? Достал грузить своей нудной моралью.

– *(Спокойно.)* Ну я же бог. Мне положено. Знаешь, вот сказал про овцу, и самому понравилось. У нас в небесах «агнец» – нечто такое милое, симпатичное и божественное. У горных народов – сочнееший шашлык, время от времени бурка и папаха. А у вас овца – тупое и гламурное существо. И ещё ругательство. Вы так не любите животных, что у вас все оскорбления с них начинаются – «скотина», «козёл», «соба-

ка». Впрочем, прошу прощения, я тебя перебил. Со мной случается. В Палестине меня все слушали, а здесь людей в основном интересует высказывать только своё мнение.

– (*С вызовом.*) Значит, ты, в сущности, против секса?

– (*В стоическом спокойствии.*) Кто тебе забил в мозг такую ерунду? Разве это не я первым сказал: «плодитесь и размножайтесь»? И чего-то я не припомню, чтобы при таком действии я постановил предъявлять печать в паспорте и свидетельство о браке.

– (*В некотором смятении.*) А почему ты заказал вино? Разве бог употребляет бухло?

– Я с тебя просто фигею, моя дорогая. У нас еврейский диалог взаимных вопросов. Где сказано, что бог не может пить вино? Ты Библию хоть однажды в своей жизни прочла?

– Нет.

– От этого куча ваших проблем. Сотни миллионов людей ни разу не открывали Библию, зато на сто сорок шесть процентов уверены, что я запретил алкоголь, резвиться в кровати и слушать хэви-метал. Я тебе зуб даю в залог, в Писании ни единого слова про хэви-метал. Читать надо внимательно, но конечно... – (*С явной иронией.*) – священные книги такие тягомотные... Вот кабы они в пару эсэмэсок укладывались.

– Ты странный.

– Все так говорят.

– И словно постоянно недоволен. Совсем как мой бывший.

– Ну, во-первых, мне около пяти миллиардов лет – в таком возрасте старческое брюзжание как минимум неизбежно. Во-вторых – да, не стану скрывать, я крайне разочарован современностью. Я ожидал не такого. Всё равно что оставить в комнате ненадолго прекрасного розового младенца, вскоре вернуться и увидеть, что тот вырос в небритого здоровяка-грузчика, с ног до головы покрытого татуировками в стиле «якудза».

(Сонный бармен-кавказец подаёт новый бокал.)

– *(Глоток.)* Позволь поинтересоваться, как тебя к нам занесло? Очень любопытно.

– *(Пожимание плечами.)* Если бы я знал. Всё просто. Меня предали. Распяли. Сняли с креста. Ученики отнесли моё тело в пещеру. Потом я должен был воскреснуть, но этого не произошло. Я пришёл в себя здесь. И вот сейчас мне нужно выпить... *(Собеседник заказывает кубинский ром.)* Извини, за кучу лет отвык от фалернского. Да, я не кривлю душой. Я огорчён минусами современного бытия, но есть и плюсы. Ваш алкоголь намного лучше тогдашних напитков. В древности вино часто прокисло, его разбавляли – бедные морской водой, а богатые мёдом. Сейчас повсюду сплошная химия, но зато общий вкус не меняется.

– *(Скептически.)* Поразительная история. Где же и когда ты очнулся?

– Десять лет назад, в районе метро «Новослободская». Я был замотан в окровавленную материю, ничего не понимал.

Для начала, дабы разобраться в ситуации, пришлось срочно создать себе одежду, немного денег, машину и двухкомнатную хижину возле Сухаревки. Квартира по неизвестной причине создавалась с трудом, – я уже потом узнал, что поселиться в центре Москвы не так просто. Наверное, это распространяется и на высшие сферы. Тут очень много людей молятся о собственной квартире, но молитвы явно легче доходят, если ты просишь хату в Бибиреве, а не у Кремля.

– *(Поперхнувшись вином.)* Вот так легко?

– Для меня нет невыполнимых вещей. Продолжу скорбное повествование. Уснув вечным сном в иерусалимской пещере и проснувшись в стольном граде Москве две тысячи седьмого года от моего рождения, я слегка удивился сему обстоятельству. Но больше всего меня поражал не факт воскрешения, хотя куда уж круче. Пройдясь по улицам, я обнаружил странные здания. Из мрамора, из кирпича, местами даже из древесины. Их венчали сверкающие круглые купола, на макушках коих красовались кресты. Я подумал, это римляне празднуют победу надо мной и моим учением: торжествуя, показывают место, где меня распяли, и демонстрируют – так будет с каждым, кто покусится на власть цезаря. Но вскоре удалось выяснить: эти помпезные постройки в мою честь... Что же тогда случилось? И тут, извини, мне следует выпить второй раз...

(Стакан с двойной порцией рома и льда опустошается.)

– *(С усмешкой.)* Я всё жду, пока тебя развезёт.

– (*Спокойно.*) Меня никогда не развозит. Я не испытываю головокружения от алкоголя, чувства голода или сытости, потребности в сексе. Мне до крайности просто жить.

– (*Несколько раздражаясь.*) Хорошо, дорогой Господь. Объясни тогда, чем ты занимаешься ночью в баре низкой ценовой категории, подсев к изрядно подвыпившей грешнице?

– Тем же, чем и в Палестине. Мне интересно разговаривать с грешницами. Имя Марии Магдалины о чём-нибудь тебе говорит? О, вижу вспышку интереса в твоих глазах. Да, воскресни Маша сейчас, точно бы поразилась, какой она бренд. Ну, так вот, мы с ней постоянно общались по душам, как и со многими другими. Грешницы прикольные. Иные грешат с каким-то вызовом к обществу. Ах, вот буду я назло всем такая плохая. Тоже определённая линия фронта, с окопами, блиндажами, огневым сопротивлением.

– (*Задумчиво.*) Ладно. Докажи мне, что ты действительно бог. Сотвори чудо.

– Позже.

– (*Торжествующе.*) Ага-а-а-а...

– Да не, оно успеется. Я просто хочу продолжить рассказ, о грешница. Так вот, в честь чего воздвигли столько построек с символом моей ликвидации? Оказалось, когда ученики не нашли тело Учителя в пещере, они впали в отчаяние. Возникло много версий – что меня съели дикие звери, унесло сильным потоком воздуха... До инопланетян тогда ещё не додумались, а то бы и их приплели. Но факт – я исчез. Иоанн,

самый креативный из соратников, предложил лучший вариант: я воскрес и вознёсся на небо. И эту историю рассказали всем вокруг. Ученики объясняли, как я им явился, а впоследствии отбыл на своё место работы – в Рай... и сами искренне поверили в случившееся. Это была колоссальная работа. Подумай – в эпоху отсутствия Интернета двенадцать человек разнесли мою историю по всему миру, да так, что население Земли пришло в восторг. Разумеется, первосвященники иудейские тоже не даром мацу ели, они приказали подчинённым распространять на базарах Иерусалима слухи – «мол, ученики его, придя ночью, украли мёртвое тело, пока мы спали». Информационная война. Эх, ничего на Земле за две тысячи лет не поменялось. Те же фарисеи, цезарь в столице, постоянные метания трусливых наместников в провинции – «а что скажут в Риме?».

– Господи... нет, то есть, я не это... Ты мне мозг напрочь вынес...

– Это я умею.

– Хорошо, давай доступнее. Если ты бог, расскажи обо мне.

– Тебе тридцать лет, тебя зовут Маша, и ты нажралась до поросычьего визга.

– Охуенчик просто. Да-а-а, ну теперь я тебе точняк пове-рю. Ты меня убедил.

– *(Не обращая внимания, без запинки.)* Ты лишилась девственности в восемнадцать лет, у тебя было десять мужиков,

и только с двумя ты кончила. Один из них – с твоей работы, причём всё случилось по пьяни во время корпоратива, на офисном столе. Когда ты моешься в душе, поёшь песню «Скорпов» Still loving you, ужасно фальшивишь. В детстве ты хотела стать врачом. Твоё любимое животное – слон. Иногда ты фотографируешь свои сиськи, анонимно выкладываешь в Инет и смотришь на реакцию.

(Жуткий кашель... Мужчина стучит собеседницу по спине, бармен оглядывается.)

– Мда... вот почему я не люблю подобные вещи... давятся ВСЕ.

– *(Продолжая кашлять.)* Ты... ты взломал мой аккаунт на «Одноклассниках»?

– Для меня это не составит труда, но... нет. Вот заново повторяю: в вашем веке неинтересно демонстрировать чудо. Вспоминаю Иудею – покажу нечто, и вся толпа – вау-у-у, хором в экстазе. Дай прикоснуться, разреши поцеловать полу хитона, благослови ребёнка. А здесь? Взломал аккаунт, загипнотизировал, подсыпал что-то в напиток. Вам не скучно от собственной серьёзности? Ведь так здорово верить в чудеса.

– *(Щёлкая пальцами, показывая бармену на бутылку «Боржоми».)* Пожалуйста, помогите.

– *(Участливо.)* Сушняк? Налейте даме за мой счёт вон ту минералку. Спасибо. Хлебни. *(Звук глотка, прерывистое дыхание.)* Вода?

- (*С опаской.*) Само собой.
- Отлично. Теперь отведай снова.
- (*Опять кашель.*) Это... это... ЭТО ЖЕ ВИНО! Ты превратил воду в вино?! Боже мой!
- (*Несколько усталым, снисходительным тоном.*) Ну на конец-то. Попросишь автограф?

Евангелие. Номер первый

- (*Нервно оглядываясь.*) Боже! Я до безумия рад нашей встрече, но испытываю тревогу вкупе с первобытным страхом. Ты не скажешь, где мы находимся?
- Слушай, какая разница. Во Вселенной, которую сотворил мой отец. Может, в глубинах нашего создания давным-давно образовалась тёмная комната, где мы можем общаться, и я прихожу к тебе на дружеские беседы. Объяснить более подробно вряд ли получится, посему не стоит отвлекаться, дорогой мой. Как я понимаю, ты умер?
- Да... но больше я ни в чём не уверен, Господи.
- Расслабься, Иоанн. Я сам не разобрался, в чём дело. Столько раз собирался с тобой поговорить и вдруг обрёл такую способность. Давай не станем терять время.
- Хорошо. Прости, я иногда заикаюсь. Где ты обрёл своё убежище?
- Я не знаю, стоит ли тебе рассказывать. Некая страна, каковой в наше бытие ещё не существовало: занесённая снега-

ми и обожающая салат из крабовых палочек.

– (*В некоторой панике.*) Святая мать и все ангелы небесные, что это такое?

– Уж поверь, Иоанн, некоторые вещи лучше не знать.

(*Длительное молчание.*)

– (*Упавшим тоном.*) Начни отсчёт. Примерно спустя две минуты я сойду с ума.

– Разве мы перманентно не находимся в состоянии умопомрачения? Знаешь, что забавно? Меня считали сумасшедшим тогда в Иудее и считают здесь – через целых две тысячи лет. Хоть в чём-то созданный мной мир постоянен. Даже те, кто твёрдо уверовал, полагают: я появлюсь не прямо сейчас. То есть обязательно, но всё-таки не в данную секунду. Оставив иллюзии, людей понять можно. В разное время из ниоткуда возникали уйма моих поддельных копий, включая даже Китай, где мной объявил себя один безумный учитель, или на Украине – там некая женщина сообщила: она не только я, но также одновременно и моя единокровная мама¹.

– (*Хрипло.*) Слушай... но как такое в принципе может быть?!

– Ты думаешь, я понимаю? Вышеупомянутая особа была

¹ В первом случае имеется в виду Хун Сюцюань, проникшийся христианством сельский учитель. В 1851 году он провозгласил себя «воплощением Христа» и поднял восстание в Китае, создав «Небесное государство великого благоденствия». Во втором – секта «Великого белого братства Юсмалос» так называемой Марии Дэви Христос – Марины Цвигун, в 1990 году объявившей себя на Украине одновременным воплощением Девы Марии и бога-сына.

весьма практична: во имя победы христианства на планете она попросила верующих перевести ей все свои сбережения, а также добровольно подарить квартиры – ведь для чего греховная недвижимость в Царствии небесном? Логично, что после огромного количества самозванцев, стоит появиться в хитоне и с улыбкой сказать: «Благословляю, чада мои», – кто-нибудь обязательно позвонит в «психушку».

– (*Глупо улыбаясь.*) Куда?

– Такое заведение с девушками в белых одеждах и бесплатным питанием. Ещё там дают снадобья, вызывающие эйфорию и спокойствие, а также предоставляют ночлег. Знай люди, насколько внутри мило, они бы толпами ринулись туда. Правда, ты не можешь покинуть стены по доброй воле, но зачем это делать? Ведь на улице ещё худшая «психушка», только кормить тебя даром уже не станут.

– (*В недоумении.*) Но как же твои чудеса, Господи? Они не заставили людей пасть на колени?

(*Недолгая пауза, полная раздумий.*)

– Как бы тебе доступнее объяснить, Иоанн... их очень трудно удивить. То, что казалось великим чудом в Иудее, в мире снегов и крабовых палочек вызывает лишь снисходительную усмешку. Скажем, я попробовал повторить опыт с Лазарем, воскрешать мёртвых. Казалось бы – чего проще? Старый, испытанный метод. Ты касаешься покойника, говоришь «встань!», он поднимается и идёт, публика в слезах, аплодирует, безусловно и категорически верует. В Москве

бесполезно. Я воскресил одного милого с виду старичка, а в результате нарвался на скандал с его родственниками. Да, я, конечно, не учёл обстоятельств современности, в Иудее было легче. Так вот, представь: дедушка умер, через год наследники продали его квартиру, сняли с карточки сбережения, а тут звонок в дверь – и покойник на пороге. После первого шока начинаются финансовые разборки. Родственники уже съездили на деньги от квартиры на пляж в Доминикану, отправили детей в частную школу, муж завёл любовницу, а жена купила норковую шубу. Дед в ярости – надо же, так по-свински поступили с его жилищем. Грозит полицией, внуки вне себя от бешенства. Кончилось тем, что они задушили воскрешённого мной старика подушкой во сне, попали под суд, получили по десять лет колонии. Вот и твои добрые дела. Ты меня понял, Иоанн?

– (*Слабым голосом.*) Совсем не понимаю. Прости, Господи. Я вот слушаю, а в голове вертится Доминикана (кстати, что это?), дедушка и норковая шуба. Я в жизни не считал, что умнее тебя, а в данную минуту мозг осколками рассыпается.

– (*С огорчением.*) Не твоя вина. Хорошо, подумал я, встрял коммерческий вопрос: деньги всегда и во все века портили людей, легко превращая их в свиней без всякого посещения страны Гадаринской². Ладно, ошибочка вышла,

² История, когда Иисус встретил в некоей «стране Гадаринской» переполненного демонами человека, который сказал весьма известную, обожаемую ныне ав-

не боги горшки обжигают... Ну то есть... неважно... Кстати, реально никогда не занимался гончарным делом, но это детали. Короче говоря, я решил воскресить недавно утонувшую молодую девушку. Здесь странная традиция, Иоанн, – во время купального сезона выпить десять чаш пива и полезть в воду. Тонут быстрее камней. Её юноша так убивался и рыдал на похоронах, что у меня едва не разорвалось сердце. Я подумал: вот дивный вариант для демонстрации чудес. Представляешь, опять всё закончилось плохо. Люди здесь слишком часто и без обязательств восклицают «я тебя люблю», фраза превратилась в страшную банальность... Иоанн, мне интересно, что ты молчишь?

– Пока это самая лучшая реакция на твой рассказ, Господи.

– (*Вздыхая.*) Вынужден согласиться. Стало быть, я сказал ей: «Встань, Нина», она встала и пошла домой. В жилище у возлюбленного экс-покойница обнаружила и его самого, и свою лучшую подругу в минуту, как бы донести до тебя деликатно, блудодейного утешения несчастного страдальца. Финал светлого чуда облачился во тьму. Восставшая из мёртвых расколола о голову коварной подруги цветочный горшок, вызвав обильное кровотечение, зарезала изменника кухонным ножом, а затем выбросилась из окна. Представляешь, что я почувствовал? Первым порывом было воскресить всех тро-

торами мистических романов фразу: «Имя нам легион, потому что нас много». Демонов переселили в свиней, каковые утопились в море.

их... Да думаю, к чему? Они же опять друг друга порешат. Ты вот не знаешь, Иоанн, а люди стали нервные и обидчивые. Уфф, подумал я... люблю троицу, такая поговорка.

– В смысле?

– Всё надо попробовать три раза, мой дорогой. Вот наступил ты на грабли, впечатались они тебе в лоб, так повтори ещё дважды, а то вдруг непонятно.

– А как может быть непонятен удар в лоб тяжёлыми граблями?

– Иоанн, ты не меня спрашивай, а здешних жителей. Местные традиции надо рассматривать очень аккуратно, под увеличительным стеклом, иначе в первые же минуты они сведут с ума. Тут, например, перед прелюбодеянием принято помолиться мне, чтобы жена не застучала. Или человек торгует героином, но по воскресеньям ставит свечи в храме моего имени... Кстати, их здесь пруд пруди, и каждый год строят ещё: благо при постройке норма своровать половину денег. Я не об этом. Я поразмыслил: старый человек, возлюбленная... – но вот теперь точно промаха не будет. Я воскрешу ребёнка – чистую невинную душу. Прекрасного агнца с выющимися льняными волосами, глазами цвета лазури и кожей, пахнущей ванилью. Его родители заплачут, упадут на колени, и...

(Пауза, наполненная лёгкой светлой грустью.)

– *(Робко.)* И?

– И... и надо мне было учитывать, что со времён древ-

ней Иудеи культура человечества несколько изменилась. В частности, понятие воскрешения мёртвых. Сложно представить, дорогой Иоанн, но тем не менее: за последние двадцать шесть лет произошла мутация восприятия восставших мертвецов. Если вкратце, суть такова: вернувшиеся в мир живых покойники ничего хорошего с собой не несут. Вышло ужас сколько пергаментов, папирусов и движущихся картин на сию тему – как только мёртвые воскресают, они немедленно и обязательно пытаются кого-то сожрать. Просто потому, что иначе не могут. Не говоря худого слова, бросаются на добрых христиан, аналогично на другие конфессии, и обглаживают до костей. Их называют зомби, и любой современный человек знает: если друг воскрес из мёртвых, держись от него подальше: как пить дать укусит, и ты за пару минут превратишься в живой труп. И захочешь слопать всех окружающих.

– Господи, но ведь и ты тоже... (*Прикусывает язык.*)

– (*Мрачно.*) В том-то и дело. Не суть удивительно, что второе пришествие никто не заметил. Судя по движущимся картинам, особенно «Ходячим мертвецам», надо не обрадоваться моему явлению, а всадить в голову заряд из ручной катапульты и для верности сжечь. Дабы я снова не воскрес и не перекусал ближних, иначе они все превратятся в меня, и тогда придётся строить в миллион раз больше храмов с золотыми куполами. Ещё люди считают, будто мёртвые пьют кровь – но это такая особая каста аристократов, они одеты

как наши жрецы, любят интеллектуальные беседы и всё такое прочее. Иоанн, я и в страшном сне подумать не мог, как за две тысячи лет разгуляется их фантазия!

– (*Дрожащим голосом.*) Так чем завершилось воскрешение дитяти?

– Мой милый, добрый, до крайности наивный Иоанн... Ну сам посуди, как оно могло закончиться? Родители милого чада оказались поклонниками некоего зловещего баснописца с заокеанской земли, написавшего целую кипу книг, и одна из них – как восставший из могилы двухлетний отпрыск пришёл с ножом и убил весьма сомнительного старца, а также свою мать. И вот дитя стучится к ним ночью, они открывают дверь, и ... В общем и целом, что тут обсуждать? Мальчик, бедняга, даже толком и поздороваться-то не успел.

– (*В ужасе.*) Тебе нужно бежать оттуда. Это дьявольское наваждение.

– (*Вздыхнув.*) Я, может, и рад бы, да вот не могу... как я их одних оставлю, особенно с такими игровыми картинками про трупы? Но мне и вполтину не столь грустно, как от осознания другой вещи. Иоанн, я пришёл поговорить о важном деле. Отчего ты и компания решили не рассказывать миру, что не нашли меня в пещере?

– (*В замешательстве.*) Прости, Господи... Может, отложим? Слишком долгая история.

– Ничего... я не тороплюсь.

Глава 3

Одиночество

(через три дня, Рублёво-Успенское шоссе, Жуковка)

...Она вернулась с похорон в ужасно отвратительном настроении. Откровенно говоря, с такого мероприятия редко кто уходит довольным – если только не врагов закапывать. Скинула чёрные туфли в прихожей, прошла в спальню, тщательно заперла дверь и рухнула лицом в подушку. «Вот зачем я баррикадируюсь? – промелькнуло в мозгу. – Со мной же никто не живёт... идиотская привычка». Слезы текли ручьём, и ей было плевать, что наволочку от Валентино запахает размазанная косметика. Как скучно. Даже истерику некому закатить. Конечно, с таким характером от неё давно любовники сбежали. Горе смешивалось с раздражением. Покойного не желали слушать, вникать в его страхи. А он ходил, предупреждал, надоедал... И что теперь? У человека вконец поехала крыша... шагнул с десятого этажа сталинской «высотки», впечатался головой в асфальт.

Где он сейчас? Чего ожидать дальше? Как вести себя остальным?

Погибший – единственный человек, близкий ей в целом мире. Они походили по характеру и мыслям больше, чем можно себе представить. В постели получалось не очень (да странно от такой личности ожидать «Камасутру», загадочно,

как у него вообще встал), однако обоим безумно подходил общий стиль жизни, схемы частых разговоров и отношение к происходящему. Почему, вот почему он не позвонил в ту роковую ночь? Ей никогда не узнать. Друг умер: в то время как его тело с костями, переломанными на кусочки, лежало у подъезда, она преспокойно спала.

Осознание этого факта вызвало новый спазм рыданий и поток слёз.

Старший их не понимал: истерики его лишь раздражали. А ведь нервы, депрессия, вечная горечь – устойчивый стиль их с покойным характеров. *Старший* – просто бессердечная, равнодушная скотина. Любые просьбы, жалобы и вопросы воспринимаются с недовольством (если не с издёвкой), случаются и откровенные вспышки агрессии. Правда, если на чистоту, мало кому придётся по вкусу, когда постоянно звонят и кричат, словно в притче Льва Толстого: о Боже, вот сейчас придут волки, – а волки так и не появляются. *Старший* вообще не верит в наличие волков. Считает их мифическими животными, созданиями народного фольклора... Но она-то знает – звери близко. Покойный неспроста так нервничал последние десять лет. Нет, он и раньше не отличался спокойствием, такая уж натура... К сожалению, с каждым годом ситуация ухудшалась. Не помогали сильнодействующие лекарства, бедняга плохо спал, не выходил из психоза, давал ужаснейшие предсказания, и... О, какие его преследовали видения! Шествие ледяных кошмаров. Однажды он

довёл её до нервного срыва пересказом свежей галлюцинации. Тогда у неё развилась настоящая мания преследования. Всюду ходила, оглядываясь по сторонам, и наяву видела стаю волков. В ресторане, подъезде, в офисе, на улице. Огромных, с вздыбленной на затылке шерстью, светящимися жёлтыми глазами, клейкой слюной, тянущейся к земле от окровавленных клыков... Бешеные и безжалостные твари. В тёплой компании друзей над истериками парня не насмехались: спокойный профессионально умел заразить паническими настроениями... Тем более ему все верили.

Все, кроме *Старшего*.

Продолжая всхлипывать, она встала с кровати. Невидящим взором (глаза туманили слёзы) посмотрела на тумбочку. Нашарила таблетки. Бросила в рот горсть, сомкнула зубы, чувствуя на языке, как лекарства дробятся в отвратную химическую горечь. Запила водой – стаканы были расставлены по всему дому, чтобы всегда быть на расстоянии вытянутой руки. Чуть-чуть полегчало. Не очень-то, но иногда отпускает. Слишком давно «подсела», соблазн велик, с тех пор потребность в дозе антидепрессантов возрастает, а эффект уменьшается. Погибший, по сути, спровоцировал себя сам: с извечной грустью, упадническим настроением поселиться на такой высоте! Словно сидишь на подоконнике и дразнишься, сможешь ли, хватит ли смелости во время очередного приступа депрессии? О, она не такая храбрая и обезопасилась давно. Двухэтажная вилла, окна выходят на бассейн, где

постоянно налита вода, — с такой высоты и спьяну не разобьёшься. На заборе — колючая проволока (острее, чем бритва), видеокамеры, по периметру гуляют патрули охраны — с бультерьерами и пинчерами на поводках. Это отдельное государство, а не жильё. Специально оборудованный бункер — можно хоть полгода отсиживаться в случае бомбёжки: мало ли что, современный мир непредсказуем. Консервы, питьевая вода, запасы кислорода в баллонах, ящики зубной пасты, книги, свечи... Она всё, всё предусмотрела. Хватит с лихвой на двух человек, а то и больше. Но кто с ней останется? Разве что охранник, и тот с перепугу.

Руки трясутся. Похоже, надо снова закинуться таблетками. Ей ужасно хочется жить, до дрожи. Враг не придёт, не прорвётся... На её вилле даже танковая дивизия застрянет. Губы уже онемели от лекарств, но слёзы продолжают литься... лицо к утру обязательно опухнет.

Из приоткрытой форточкой слышался лай собак.

Она опустилась на колени. Заглянула под кровать. Милостивый Боже, ведь знает на сто процентов, что пусто, а всё равно нужно посмотреть, иначе не успокоишься. Бесконечными приступами стресса, страха и паранойи она довела себя до крайности. Психиатр сказал: необоснованные панические атаки зачастую перерастают в депрессию, способны истощить нервы, довести до суицида. Найдутся ли силы свести счёты с жизнью в одночасье, как бывший любовник? Нет. Пусть порой хочется уснуть и не проснуться, но мысль

о прекращении всего сущего страшит. Как это так – она сомкнёт глаза, и дальше сплошная тьма навечно? И не увидит, что случится потом? Ах, хотелось бы посмотреть. Она в гробу, похороны, священник с бородой и кадилом, сладковатый дым ладана, монотонное пение, первая горсть земли, просыпавшаяся на сосновые доски, залитые слезами верные подружки. Ай, да тьфу, в самом-то деле. Какие подружки, к чёртовой матери? К ней никто не придёт, кроме полупьяных небритых кладбищенских рабочих, чтобы рыть могилу, – они-то и проводят её в последний путь.

С трудом распрямившись, женщина вернулась к тумбочке.

Осторожно выдвинула нижний ящик. Там, тускло поблёскивая, лежал маленький дамский «браунинг» – старая модель, из тех, что на заре XX века барышни носили в муфте или ридикюле. Никелированный, с перламутром на рукоятке, мушка из серебра. Семь патронов, калибр маленький. Но если стрелять в упор, с самого близкого расстояния, вполне достаточно: ранит или даже убьёт противника. Настроение изменилось. Охрана? А что охрана? Самый качественный телохранитель работает за деньги, значит, его легко перекупить за хорошую сумму – если не в два, то в десять раз больше... Тут согласится каждый. Женщина повертела в руках револьверчик – такой симпатичный, миленький... Прицелилась в приоткрытую дверь, держа оружие, как в кинобоевике, двумя руками. Внезапно ей пришла в голову мысль:

а если «браунинг» не выстрелит? Она же никогда не использовала «игрушку» в деле. Порох отсырел, гильзы заржавели... Ну или что там может быть, она существо не военное, в подобных вещах не разбирается. Вот, допустим, прямо сейчас в этот проём проскользнёт Он. И что делать?

Прикусила губу, пытаюсь справиться с дрожью.

Когда женщина открыла глаза, в дверях действительно стоял Он. Смотрел прямо ей в глаза – без улыбки. Лицо не выражало ничего, сквозняк обдувал льняные кудри: волосы шевелились, словно змеевидная причёска Медузы Горгоны. Направив оружие ему в грудь, она без колебаний нажала на спуск. Щелчок. Второй раз. Щелчок. Третий. Чёрт возьми, вот так и думала! Человек шагнул вперёд, протягивая руку. Жертва раскрыла рот, но из горла вырвался даже не хрип – сиплый, тихий свист. Глядя, как Он приближается, хозяйка быстро вложила ствол «браунинга» между зубов, почувствовав прогорклый вкус оружейного масла. Сомкнула губы, машинально облизнув дуло. Кончено. Выхода нет.

...Охранник снаружи дома повернулся к окну, услышав выстрел.

Глава 4

Гестас

(Загородное шоссе, Москва, психиатрическая лечебница)

...Обычный вечер. Нужные таблетки якобы поглощены и усвоены организмом, я создаю иллюзию своего сна на больничной койке, отправляясь в соседние палаты. Я ведь обещал. Меня ждут. Обманывать грех. Сегодня я пообщаюсь с тем самым ненормальным вегетарианцем, убившим пять человек. Как и в моё время, здесь принято беседовать за алко-голем: правда, значительно более крепким, нежели привычное по Палестине виноградное вино. Иначе говоря, без водки – не беседа. Трезвенники вызывают неуважение, неудобольствие и даже подозрение – уж не шпион ли заграничный, часом? К счастью, я тоже пью и вполне сойду у больничной публики за своего. Правда, мне не нравится слишком резкий вкус пшеничного вина, но, учитывая условия моего пребывания, сойдёт и этот суррогат веселящего напитка. Удивительно – я ведь создал хлеб для пропитания, а из него ма-стерят выпивку. Впрочем, из чего её только не делают? Яб-локи, свёкла, груши, картошка – устанешь перечислять. Из помидоров разве что не получается, видимо, пока рецепт не освоили. Моего ночного собеседника обычно связывают на ночь, хотя такое и запрещено правилами... Ну, понять сани-таров можно. Я появляюсь у кровати, осторожно присажи-

ваюсь на пластиковый стул. Щелчок пальцами: ремни на его руках развязываются, свесившись на пол. Быстро сотворяю из воздуха поднос, на нём – варёный молодой картофель, посыпанный укропом: дымящийся, с капельками подсолнечного масла... Оливковое здесь почему-то не в чести. Сосед быстро уничтожает содержимое подноса, и я немедленно повторяю ему порцию. Парень ест с большим аппетитом, говорят, у заключённых всегда превосходен, а тут, по сути, и есть тюрьма. Ты под охраной, выйти нельзя, установлен режим, по которому живёшь. Любопытно, почему подобные учреждения называются лечебницами? Это же карцер.

Убийца с упоением облизывает пальцы.

Забавная личность. Напоминает мне одновременно Дисмаса и Гестаса – иудейских разбойников, между чьими крестами на Голгофе добрые римляне поставили мой собственный. Правда, сосед в кровавых деяниях не раскаивается – и этим склоняется в сторону Гестаса. Более того, он утверждает, дескать, я самолично велел ему задушить этих девушек, он выполнял мой непосредственный приказ. Представляете? Да офигеть! Я обратился в голос, нудно твердящий ему бессонными ночами: блудницы гнусны, развратны, они нарушают заветы Господа, танцуют на потеху грешникам, бесстыдно обнажив свои тела в притонах, подобных худшим вертепам Вавилона. Так парень и заявил в полиции, будучи застигнут во время избавления от очередного трупа, – тащил умерщвлённую жертву за волосы в канаву. И

что, это тоже я ему подсказал? Вот так послушаешь, я только и делаю, как приказываю определённым лицам завоевать, ограбить, замучить до смерти остальных людей, других же дел у меня в принципе нет. Да-да, по мнению крестоносцев, именно я велел вырезать тысячи жителей Константинополя, каковые хоть и христиане, но православные, а значит, схизматики и еретики. Я не являлся пред светлые очи рыцарей, но они вот интуитивно догадались о моих желаниях: срочно хочу кровавую баню, прям хлебом не корми. Аналогично, персонально я приказал сжигать на кострах еретиков в Испании и Нидерландах, спалить протопопа Аввакума в Пустозёрске, равно как и прочих старообрядцев³. Я, и никто другой (по мнению святейшей инквизиции), жёстко настаивал, чтобы «псы Господни» пытали богачей во имя короля, убеждая признаться в поклонении Сатане, дабы затем конфисковать имущество купцов. Само собой, я требовал отрезать язык богохульникам за вольное или невольное оскорбление своего имени.

Меня страшно занимает, они и в самом деле в это верили?

Интересно, как у человечества получается уживаться с двумя теориями: с одной стороны, бог есть любовь и сюси-пуси, а с другой – пусть немедленно сдохнут все, кому он хоть на грамм не нравится. Скажем, взять постоянные про-

³ 60-летний протопоп Аввакум Петров был сожжён в 1681 году в «срубе» – его вместе со сторонниками заперли в деревянном помещении, которое подожгли. Таким же образом в России были казнены тысячи старообрядцев.

блемы с евреями. «Они распяли Иисуса». У-у-у, а-а-а. Библию не судьба почитать? Вообще-то, к кресту меня прибивали конкретно легионеры кесаря Тиберия, а копьё под ребро вонзил римлянин Лонгин – но это ненужные и довольно скучные детали. Никто не выйдет на площадь и не разорвёт на груди рубашку с воплем: «Бей римлян, спасай Россию!» Об антиитальянских погромах я в жизни своей не слышал. Любопытно, да? Я олицетворяю собой любовь, о чём неустанно напоминают сомневающимся и атеистам. В свободное от любви время я скромно прошу сделать мне одолжение – убить блудниц, лиц иного вероисповедания, тех, кто плохо обо мне отзывается, а на закуску всех, кто мало жертвует в мои храмы денег. Одновременно я караю младенцев чумой, уничтожаю города огнём и серой и благословляю на тотальную резню. Славное правило, когда одни воины полностью уверены, что я на их стороне, а никак не на стороне других воинов. Вы представляете? Ну, согласитесь – полная фигня, а они не сомневаются.

В случае с Гестасом у нас абсолютно зеркальная ситуация. Я устал повторять: я не против секса как такового. Возражал бы – та парочка в Эдемском саду не превратилась впоследствии в семь миллиардов особей. Я просто лишил бы их необходимых для продолжения рода частей организма. Сторонники нравственности не задаются вопросом, отчего люди испытывают удовольствие при постельных упражнениях. Считаю я иначе, оставил бы человечеству банальный ин-

стинкт размножения: спаривание весной, как у животных, да и всего-то делов. Но нет же. Ревнители моего учения полагают секс грехом – как сей верзила, слизывающий с мизинца остатки картофеля. Кстати, удивитесь, он девственник. Воспитывался деспотичной мамочкой, и вот результат. Я спокоен в общении с Гестасом. Я не ругаю его и не проклиная. Да, он убийца, причём больной на всю голову. Популяцию подобных существ на Земле лучше сокращать, признаю откровенно, – от их отсутствия хуже никому не станет. Однако что нам с ним даст удар молнией? Смерть и правым, и виноватым: крыша рухнет, помещение сгорит вместе с пациентами и докторами, а пожар пока не входит в мои планы. Я пытаюсь его убедить. Объясняю шесть месяцев подряд: дорогуша, даже у блудниц грешно отнимать жизнь. Они живые люди, как и ты сам. Нет, чувак не понимает. Блин. Ну что ж, я сам в этом виноват: поползновения кого-то грохнуть начались среди моих поклонников явно не вчера. Иоанн, милый мальчик с улыбкой вечного ребёнка, предлагал мне сжечь деревню, где нас приняли без должного, как ему показалось, энтузиазма⁴. Ни один человек в жизни не признается – ему просто нравится убивать и мучить, для этого и создана война... Не-е-е, он заведёт глаза под потолок, сделает постное лицо и прогнусит: «Во имя Господа». Что бы они делали, не

⁴ Имеется в виду Евангелие от Луки (9: 51–56), где Иисус с учениками по пути в Иерусалим хотел остановиться в самаритянском селении на отдых, но жители прогнали гостей. Апостолы предложили вызвать огонь с небес и сжечь деревню.

будь меня? Как оправдывали бы свои пороки? Определённо, атеизм обречён. Религия – жизненная необходимость.

Я долго и нудно рассказываю Гестасу про смерть.

Говорю – лапочка, нельзя убивать за блуд. Вот сколько тысяч лет за это в отдельных странах типа Ирана казнят, и чего – всё население поголовно стало высокоморальным? Платные блудницы исчезли? Вместо соития молитвы читают, лбом в пол стучат торжественно? С ветхозаветных времён народами усвоено: если нельзя, но очень хочется, то можно. А убийца не желает понять. Он плетёт мне про какие-то краеугольные камни нравственности, якобы установленные мной же на заре человечества. Ну, хорошо, может быть, я их действительно устанавливал. Око за око, зуб за зуб – признаю, случалось такое, чего ж отрицать. Однако почему никто из людей не носит в сорокалетнем возрасте (если он не безусловный debil) штаны на лямках, как в детском саду, и не требует у мамы, биясь в рыданиях, купить леденец на палочке? Человеческие особи обязаны повзрослеть за пару тысяч лет, однако им кажется правильнее жить, как в детстве: песочница, совочек, воздушные шарики, красота. Настроение у меня снова портится. Интересно, что за времена сейчас – даже богу не переубедить в кроткой беседе существо с умственным развитием гусеницы. Все знают лучше меня, что я сказал. Я ощущаю гнев, а это плохо. Как я могу учить кого-то быть добрым, если у меня самого терпения жить в современном мире не хватает? Люди обожают говорить, но слишком

мало желающих слушать... Я вздыхаю, треплю убийцу по затылку и встаю. Мне пора идти в свою палату – полежать с закрытыми глазами и подумать – какой была бы эта планета, насели я её бегемотами. Славными, толстыми, добродушными. Меня подозрительно часто охватывают подобные мечтания.

Правда, уже поздно что-то исправлять.

Если люди выжили во время всемирного потопа, любые меры бесполезны – пускай и самые жёсткие. Ни метеоритом, ни ядерной войной, ни огнём и серой. Хренушки. Это с динозаврами было просто – бац астероид, и привет. А вот, промежду делом, почему меня до сих пор не спросили о динозаврах? Я же создал их значительно раньше. Прикольные, надо сказать, были зверюшки, не обсуждая уж прочее земное население того периода: стрекозами с размахом крыльев под два метра я, безусловно, горжусь. И где они все? Но с ящерами проще – они обяжутся сдохнуть и непременно сдохнут, как положено честным рептилиям. Человеки же спрячутся под землю, запасутся баллонами с кислородом, мутируют так, что огонь с небес им будет нипочём. Люди по выживаемости сравнимы с тараканами. Смотрите, что тут творилось хотя бы в XX веке – Гитлер, атомные бомбардировки, масштабные теракты. Мамонты бы вымерли, а эти уцелели.

На прощание я сотворяю Гестасу новую тарелку с дымящимся молодым картофелем. Едва он с ней закончит, ремни вновь затянутся на запястьях. Убийца благодарит.

Он откровенно не заслуживает моей милости.

Но я же как-никак прямое олицетворение добра... Ведь правда?

Глава 5

Нелюбовь

(продолжение беседы в баре «Рок-н-ролл» на Сухаревке)
– (Вконец очумев.) Фигасе... деваться некуда, я тебе верю.

Ты бог.

– О, спасибо за доверие. Это так много значит для меня.

– Извини, не мог бы ты...

– Нет, не мог.

– Но ты же не знаешь, о чём я попрошу!

– Во-первых, я в принципе знаю всё на свете – и ты должна быть в курсе, если читала обо мне правильные книги. Во-вторых, подобные вещи меня изрядно утомили ещё на заре палестинских приключений. Стоит человечеству убедиться, что я совершаю что-то там такое необычное, все тут же откладывают дела и садятся составлять список заказов. Если ты публично накормил пятью хлебами пять тысяч человек – будь уверен, через час подойдут ещё как минимум десять тысяч и попросят полноценный обед с чёрной икрой и лобстером термидор. Стоит превратить воду в вино, тебя сразу окружит страждущий народец с сосудами: будь так любезен, сотвори вино из ближайшей лужи, разбавленной грязью, ослиной мочи, прокисшего сока и морского прибоя – ну тебе-то, в самом деле, жалко, что ли? Заметь, чудо ошеломляет только в первый раз. На второй окружающие превращают-

ся в утончённых сомелье, они хотят не просто вино, а обязательно из высокогорных регионов Италии, урожая строго определённых лет, напитавшегося солнцем. Посему извини, твоих просьб я выполнять не собираюсь. Я не поражу твоего бывшего проказой и не обращаю его новую девушку в домашнюю крысу. И не надо мне сейчас вешать лапшу на уши, что ты хотела попросить мира во всём мире.

– (*Голосом, полным вселенской грусти.*) А если в лягушку, а не в крысу?

– Нет.

– А...

– И в морскую свинку тоже без вариантов.

– (*Мрачно.*) Хорошо. И какой ты после всего этого бог, а?

– Извини, вам при самом лучшем раскладе другого не положено.

– Но что тебе стоит?

– Ничего, ты права. Я спокойно стал бы президентом, впервые в вашей истории объединившим весь народ. За меня хором проголосовали бы и желающие бесплатно похмелиться, и даже трезвенники – просто по приколу и из удивления. У вас на каждых выборах политики обещают всеобщее счастье и кучу денег. А тут выхожу я, лёгкое движение руки, и вода превращается в вино – в водопроводных кранах, в лужах, в батареях. Девушки в горе и депрессии плачут вином. Сплёвываешь в ладонь, добавляешь кусочек сыра и пей себе из горсти. Рай ведь, правда? Воплощение вашей веко-

вой мечты – чтобы всюду разливали бесплатное бухло, а уж с закуской как-нибудь разберётся. Разве есть сомнения? Пожизненное президентство гарантировано, со мной даже Жириновский не способен конкурировать. Но только знаешь, это чересчур просто. Так любой фокусник может. Кстати, извини, мы заговорились, а твой бокал опустел. Что именно тебе сотворить?

– (Сухо.) «Пино гриджио», пожалуйста.

– Вуаля.

– Надо же... судя по запаху, тот самый сорт, который я обожаю.

– Скорее, ты убедила себя, что его обожаешь.

– (Недоумённо.) В смысле?

– У вас люди не живут, а соответствуют определённому статусу. Правда, я не поручусь, что это направление обрело популярность прямо сейчас. Насколько мне помнится, жители Римской империи закатывали пиры на последние деньги, дабы не выглядеть хуже соседа, а на следующее утро продавали рабов, пытаясь заткнуть финансовые дыры. Так и здесь. Люди, которым нравится водка, при достижении определённого уровня заработков внезапно открывают в себе, что они больше не могут её пить ну никак – только дорогой виски или ром. Курившие прежде папиросы «Беломор» отныне не мыслят жизни без гаванской сигары. Случись понтам светиться – именно в Москву, а не в Питер, приезжали бы туристы на белые ночи. В случае с твоим «пино гриджио», давай уга-

даю... На самом деле тебе нужно его пить, благо настоящее пристрастие не поймут подруги и коллеги. Скажи до крайности честно, какой напиток тебе больше всего по душе?

– (*Вздыхая.*) Дешёвый портвейн, со школы. Тут его даже и не подают.

– (*Со скучающим видом.*) Сотворить?

– Будь так любезен.

– На здоровье.

– (*Обескураженно.*) Вау... на вкус совсем как тот, что с подругой пили в подъезде.

– (*Наставительно.*) Я же бог, а не уличный фокусник. Так вот, у вас, собственно, путают веру в Господа с доставкой пиццы или дрессировкой животных в цирке. Собачка в платье проедет на колесе, и ей тут же кидают лакомство, они так приучены, выполнять задания за еду. Вы хуже тех самых собачек. Молитесь, стараетесь соблюдать пост, не впадать в блуд, а за примерное поведение дрессировщик, то бишь Господь, дарует вам конфетку, а в противном случае вы обидитесь и перестанете ездить на велосипеде. Поэтому у меня на Земле бесконечный аттракцион – дабы заверить вас, что я существую, я должен постоянно показывать фокусы, жонглировать призами, награждать отличившихся и превращать бывших любовников с разлучницами в морских свинок. Иначе вы становитесь атеистами и голосите, что меня нет. А я ведь абсолютно не против атеизма. Я – плод большого воображения? Чудненько, на этом и порешим: лишь бы

меня оставили в покое.

– (*Смакуя портвейн.*) Скажи мне вот что. Ты ведь бог, да?

– До этой минуты был, по крайней мере.

– Прекрасно, всю жизнь мечтала спросить. Да и не я одна – каждый, думаю, мечтает. Почему ты, обещавший о нас заботиться, допускаешь всякие жуткие вещи на Земле? Например, концлагеря во Вторую мировую. Нищету. Атомную бомбу, сброшенную на Хиросиму. То, что миллионы людей всю жизнь пашут за копейки, и личная жизнь у них не складывается, как бы они в тебя ни верили и ни молились. Мне пофиг, можешь испепелить, но я это сказала тебе в лицо. Дай только за упокой портвейна глотну.

– (*Тяжёлый вздох.*) Да, это весьма популярный вопрос. Я должен служить на Земле в качестве участкового надзирателя, этакий унтер Пришибеев. Давить и не пущать. Но хочу обратить внимание на некий, не замечаемый моими противниками и критиками скромный факт. Однажды, давным-давно, человечество уже погрязло в грехах. Я, не став церемониться и разводить политесы, полностью уничтожил его всемирным потопом. Легко и элегантно, было слышно лишь буль-буль-буль. Увы, сегодня такая вещь не пройдёт: те же русские за всю свою историю прошли такое, что через неделю научатся дышать под водой, про евреев я вообще умолчу. Так вот, оправдываться я не собираюсь. Я не учил убивать детей и уничтожать друг друга. Это ваше умение.

– Ты профессионально уходишь от вопроса.

– Поверь, даже не пытаюсь. Я неоднократно пытался наказывать, угрожать, объяснять, являться людям – во сне и наяву. Не убивайте, не режьте себе подобных, не торгуйте героином, не стройте газовые камеры... Блин, где-то у меня завалялся полный список. Бесполезно. Хочешь неприятную новость? Маугли родился человеком, но рос он среди зверей, в итоге из мальчика получился хищник в стиле «эй, джунгли – расступись». Вы и есть звери. Одержимые не остановятся. Ты и не предполагаешь, скольких людей я поразил молнией, – тупо пустой перевод электричества. Немногие считают сие спецэффектное действие карой Божией, даже в древнем Средневековье большинство грешников охотно списывали удар молнией на плохие погодные условия. Насчёт пахать за копейки – не помню, чтобы я обязывался раздавать бабло просто так. Я с рождения создаю людям равные возможности: у всех есть руки, ноги и голова. Последователи Цукерберга бросят учёбу в колледже и сделают миллиарды, а другие получают три высших образования и живут впроголодь. Вот такие люди всегда смотрят вверх и задают вопрос: «Господи, в чём я перед тобой провинился?» – вместо того чтобы оторвать задницу от дивана. Уверен, в минуты слабости и ты это спрашивала.

– Нет.

– Да.

– (*С неохотой признаваясь.*) Хорошо, спрашивала. А разве я заслужила подобную жизнь?

– О, конечно же, ты у нас праведница. Хоть сейчас к лику святых причисляй.

– А что я такого сделала, скажи мне? Я не убивала и не крада, вела себя прилично.

– Не убивала? Но как насчёт аборта в девятнадцать лет?

– Э... внезапный поворот. Видишь ли... парень смылся, а одной воспитывать ребёнка...

– Да, но ты от него избавилась, верно? И не припомню, чтобы сильно рыдала по этому поводу – вакуум, двухнедельная беременность, – как бы и не человек в животе, а нечто непонятное, вроде головастика. Теперь небольшая ремарка относительно краж. Кто в семилетнем возрасте стащил и спрятал куклу двоюродной сестры только потому, что её игрушка оказалась дороже и лучше, чем твоя? Эту куклу искали всем домом, девочка обрелась, а ты ей так сочувствовала, что заглядывала в каждый уголок: а вдруг она там? «Оскара» тебе дать, актриса. Хм, в чём дело? Что это ещё у нас за причитания?

– Я плачу... Сестрёнку жаль... стыдно... Блядь, я такая сука.

– (*Участливо.*) Я вообще-то не закончил. Напомнить, как спала с чужим мужем?

– (*Крайне поспешно, прервав рыдания на вдохе.*) Спасибо, не надо.

– Собственно, вот тебе и ответ. Каждый жалуется – почему я ему не помогаю? От этого факта, кстати, и процветает

атеизм. Молится мне подросток, просит мопед, а я не даю, значит, меня и нет. Не любит Господь людей. Кабы наоборот, завалил бы всех мопедами по самое не хочу. Только у меня для вас новость – вы сами себя не любите. Вся ваша жизнь – сплошная нелюбовь. Но я обязан вас прощать, аки добрый пастырь. Я, вашу мать, и прощаю: пусть такое поведение заколебало до самых краёв нимба. Как вы себе представляете мир всеобщей справедливости? Каждый из вас Билл Гейтс? Отлично. Допустим, ты миллиардерша. И твоя подруга тоже. И бабушка. И бедняжка сестра с краденой куклой. Но кто вам дома унитаз поставит и мусор от подъезда выметет? Сантехник и дворник милостью Божией тоже миллиардеры, им негоже пачкать руки в дерьмище. Логика такова – пусть Господь именно мне даст слоновье здоровье и бриллиантов бочку, а всем остальным – козла на постном масле. Я же лучший. Я этого заслуживаю.

– (Вяло.) Ладно, уел.

– (Гостеприимно.) Вот и чудненько. Ещё граммов двести дешёвого портвейна?

– Будь любезен.

– А, пожалуйста. И пару гранёных стаканов, чтобы как у людей.

– Я хочу курить и музыки. И обдумать всё, что ты сказал. Мысли мои грустны и настроение жесткач. Может, послушаем во время паузы новинки группы Helloween? Хотя, собственно, о чём я. Разве может божество быть в курсе по

поводу Helloween...

– Неохота тебя шокировать. Но вообще-то они на плаву только благодаря мне.

Евангелие. Номер второй

– Я силён духом, Господи. Обещаю, я не сойду с ума.

– Этого я жду меньше всего. Так зачем, Пётр? Я считал тебя наиболее здравомыслящим из всех учеников. Ладно, уж там Андрей и Иоанн, ветер в голове гуляет, поспешные решения, горячность, вспыльчивость... но ты мудр и опытен.

– *(Спокойно.)* Время подтвердило мою правоту. Ты жив, Господи. Значит, мы не согрешили, объяснив твоё исчезновение воскрешением и вознесением на небо. Ибо больше ты никуда деться и не мог. Накажи меня, если хочешь, – твоё право.

– Далеко не факт, что я жив. Я всего лишь общаюсь с тобой в неизвестном пространстве – где мы находимся, понятия не имею. Видения опасная вещь, дорогой мой Пётр. В том времени, откуда я с тобой говорю, их вызывают при помощи славно высушенной травы и неких снадобий, значение коих мне будет сложно тебе объяснить. Не стоит доверять всему, что ты видишь.

– *(Стоически.)* И тем не менее ты воскрес, Господи. Пускай и не в том времени.

– *(Кисло.)* Да. Здесь возражений не имеется.

– (*С суровым восторгом.*) Поведай, они преклоняют колена перед тобой? Они признают твою Божественную сущность без колебаний, не как проклятые фарисеи? Я счастлив, что слышу и вижу тебя – пускай, возможно, и в бреду. Ты пытался читать им Нагорную проповедь? Впрочем, о чём я говорю? Конечно же, ты...

– (*Резко.*) Довольное наивно оценивать современное время с точки зрения поздней античности, милый Пётр. Скажу лишь, что спустя две тысячи лет после моего распятия в мире развелось попросту сумасшедшее количество всевозможных пророков. К ним привыкли, словно к бродячим собакам, и не обращают внимания. Буду с тобой откровенен: меня тогда заметили в Иерусалиме сугубо потому, что я был первым, сейчас это называется эксклюзив. Так вот, увы. В Москве ты можешь стоять на улице и петь рвущую сердце проникновенную проповедь, но тебя в лучшем случае примут за чокнутого или нищего. Первый раз я читал Нагорную на Цветном бульваре. Хорошая погода, солнышко, люди гуляют. Мне подали пирожок и двести сорок рублей мелочью, но никто не остановился послушать хотя бы на секунду. Им это неинтересно, Пётр. В настоящем веке слишком много информации, народы захлёбываются в ней. Скажем, видеоролики на ютьюб должны быть по две минуты, а ещё лучше полторы, иначе у подписчиков глаза устанут. Прости, я не удосужился тебе объяснить сии значения... стало быть, слушай...

– (*Тяжело, но сурово.*) Не надо. Не имеет значения, что ты говоришь, Господи. Я привык к мистическим значениям твоих слов. Если надо молиться на ютьюб, я буду.

– Тут и так все на него уже молятся. Город, где я противостою греху, подобен Вавилону своими развратом и роскошью. Пусть, как считается, он стоит на семи холмах, до отчаяния трудно подобрать приличную природную гору вроде Нахума⁵. Зато пруд пруди рукотворных гор, они называют их «многоэтажками». После неудачи на Цветном я купил билет на смотровую площадку одной из башен «Москва-сити» – она самая высокая, стало быть, идеальное место для донесения смысла проповедей большому числу мирян. Я не успел даже начать, изрёк буквально две-три ничего не значащих фразы, о Пётр, как суровые стражи обвинили меня в распространении неоплаченной рекламы и выпроводили.

– (*Невозмутимо, тяжело и сурово.*) Разрази их молнией, Господи. Ты можешь.

– (*Задумчиво.*) Вот далась всем эта молния. Тут не Палестина, Пётр. Реши я разбрасываться электричеством по каждой ерунде, придётся всю страну уничтожать. А это не библейские городки типа Содомы и Гоморры, состоящие из пары глинобитных улиц. Сжечь в пепел шестую часть суши накладно. Да и потом, разве вопрос лишь в этом? О, как просто

⁵ Так называемая «Гора Блаженств» – возвышение (125 метров над уровнем моря), откуда, как считается, была поведена Нагорная проповедь: расположена у Галилейского озера в нынешнем Израиле.

и мило было раньше, суть мелочи жизни. Небольшой городок охвачен эпидемией мужеложства? Пролил на него огонь и серу и ушёл на законный обеденный перерыв. Здесь же натурально не знаешь, куда деваться. Певцы и лицедеи движущихся картин по всему миру – сплошные Содом и Гоморра, и первым делом мне следует обрушить море огня на «Евровидение». А уж чего сделать с Сан-Франциско, где мужеложцев и женеложниц (или как они там называются) поболее миллиона, я понятия не имею: столько энергии понадобится, что счёт за электричество придёт фантастический. Я оказался в тупиковой ситуации. Как собрать людей на проповедь, если на улице они проходят мимо, а прекрасные высокогорные места столь коммерциализированы? Но я же Творец и Создатель, я не пасую перед трудностями.

– (*Истово и с верой.*) Да, Господи. Я в тебе не сомневался. Никогда. Быть может, некоторые в нашей группе колебались, однако я... прости. Продолжай, я весь внимание.

– Посему я за считанные минуты сотворил сайт (оказалось, Пётр, я могу создавать и сайты) и начал продажу айфонов по сниженной цене. Если раздавать их бесплатно, то сие подозрительно, а на скидки все ведутся. Я установил в айфон приложение с Нагорной проповедью, удалось продать пять тысяч экземпляров, пока сайт не прикрыли менты. Поначалу я радовался аудитории. Это, наверное, больше, чем тогда собралось в Иудее послушать меня у Нахумы.

– (*Радуюсь.*) Это же прекрасно! Я почти ничего не понял,

однако уяснил, что неудачи не останавливают тебя, Господи. Ты идёшь по остриям мечей, благословляя всех.

– (*Скептически усмехнувшись.*) О, слушай дальше. Половина просто удалила программу не глядя, посчитав её тор- мозом для работы айфона, остальные и вовсе восприняли проповедь как вирус. Закончилось плохо. Как ты думаешь, дойдёт ли до мира людей будущего фраза «Кто смотрит на женщину с вожделением, тот уже прелюбодействовал с нею в сердце своём»? Каждый день они выходят на улицу и видят на светящихся щитах рекламу дверных ручек и спецодежды, кои предлагают отроковицы в прозрачных покрывалах или вовсе без оных, улыбаясь полными губами, по красноте схожими со спелыми вишнями. Да тут мозг взорвётся от мыслей о прелюбодействе. «Не судите и не судимы будете»? Ой- ой. Достаточно почитать Интернет, дабы уяснить: в новом обществе обожают клеить ярлыки по поводу и без. Каждый считает, что он лучше других и я-то люблю именно его. Насчёт «не убий» – поверь, совсем не работает. Во-первых, народ режут направо и налево, как овец, без малейшего стеснения. Во-вторых, ведь я замечал в проповеди, что нельзя даже оскорблять человека, слово тоже убивает. А тут... стыдно сказать, я сам... Короче, однажды меня сильно толкнули в местной безлошадной повозке, автобусе. Я обернулся и выдал фразу, за какуюю после наложил на себя епитимью.

– (*В смущении.*) Что же за слова ты рёк, Господи?

– Ох, Пётр. Я объяснил человеку, толкнувшему меня, куда

именно ему надо идти.

– В этом нет ничего плохого. Ведь ты и раньше указывал людям путь.

– Хм... мне бы твою непреклонную уверенность. Я отправил его в дорогу, каковая была довольно короткой... ну, максимум сантиметров двадцать. Из того, что я слышал на улицах, практически всё население суровой страны снегов и крабовых палочек находится на этой тропе, а некоторые так и вовсе с неё не сходят. Они там буквально живут. Но даже сей печальный факт меня не оправдывает. Мне стало грустно. Я извинился, и он меня тоже послал.

– Почему?

– Тут не приняты извинения после отправки в дорогу. Это пугает общество... (*Грозное молчание, полное уверенности в правоте Господа.*) ...с остальным ещё хуже. Ты помнишь, я в своё время весьма доходчиво объяснил – не следует держать пост сугубо ради понтов. Куда там. Среди новых самаритян пост бешено популярен, поскольку считается: не вкушая чикен наггетс шесть недель, ты автоматически приравниваешь себя к святым угодникам. Можно прелюбодействовать, убивать, воровать, но стоит сорок дней посвятить благим грибкам, а не омерзительному свиному эскалопу, – и я, разумеется, всё прощаю. Хм, это было бы полбеды. Отдельные личности обходят пост, словно в напёрстки со мной играют. Нельзя до Пасхи предаваться плотской любви? Ничего, традиционным способом нельзя: да, запрещено. Зато другими мето-

дами можно.

– Какими?

– Пётр, я даже озвучивать не хочу.

(Покашливание – но не деликатное, а просто старческое.)

– Накажи их, Господи. Прости, что повторяюсь, но я не исключал бы молнии.

– Вот не хотел говорить, но какая разница? Короче, здесь везде громоотводы.

– Разве они тебе не подвластны?

– Пара пустяков. Но нет ощущения могущества, как прежде. Насылая кару, ты словно кропотливо, шаг за шагом, устанавливаешь новую прошивку проклятого творения местного повелителя демонов – Стива Джобса. Отключи громоотводы, организуй подходящую погоду, рассчитай время, чтобы больше людей было на улице. А когда ты всё обстрипаешь, возлюбуйся на дело рук своих и увидишь, что это хорошо, выяснится: никто не пострадал. Дождь же льёт, все пошли в кофейнях сидеть. Бесполезно насылать и казни египетские, Пётр. Прилетит саранча, в Китае из неё блинчики сделают с кисло-сладким соусом, в Европу набежит толпа прессы (количеством побольше саранчи), а в России доктор Малахов расскажет, как из кузнечиков подручными методами приготовить целебные примочки. Решить проблему невозможно. Совсем.

– Тогда один метод остался, Господи. Но весьма верный. Всемирный потоп.

– (*Безапелляционно.*) Они всплывут.

– Что это значит?

– Просто поверь на слово.

– (*Без улыбки.*) Всё же от казней египетских я бы так легко не отказывался.

– И какой в них толк?

– Они распустились без тебя, Господи. Озверели совсем за две тысячи лет. Меня ужасает – они ведь знают, ты наблюдаешь за ними каждое мгновение, и всё равно погрязли в грехах. Подумай, что творилось бы на Земле, если б все были уверены: тебя нет? Да люди массово с ума бы посходили. Ты слишком часто переворачивал на их улицах большие повозки с пряниками – пора предъявить кнут. Показать наконец, кто в доме хозяин. Заблудшая овца должна вернуться в хлев... в стойло... в стадо... прошу прощения, я забыл, куда она обычно возвращается.

– Это не заблудшая овца, Пётр, а охреневшая. Предложение пустить её на кебаб выглядело бы вполне логичным, но... я пришёл к выводу, что репрессии против грешников усугубят ситуацию. Казни египетские ведь не особо помогли, хочу тебе признаться. Ну, пал Египет, на его место пришли арабы... Теперь сплошные взрывы, авиабомбардировки и атаки на туристов. С фараонами куда спокойнее.

– (*Непоколебимо.*) Господи, лучше не останавливаться на полумерах. Что тебе мешает устраивать качественный потоп каждые двести лет? Это хорошее регулярное обновление.

Человеческое общество не успеет так быстро оскотиниться.

– Пётр... мне интересно, почему ты не любишь людей?

– Ну как, Господи. Они били тебя кнутами. Распяли. Убили меня. Других апостолов. И за что их любить после таких развлечений? Тут уже ничего не исправить. Жги.

– Я не хочу.

– Это всецело твоё право, Господи. Но возможно, на Земле следовало оставить бабочек. Или павлинов. Или газелей с мудрыми, печальными глазами.

– (*Задумчиво.*) Они красивые, да. Хотя в последнее время я склоняюсь к бегемотам.

– (*Вкрадчиво.*) Так я про что, Господи всемогущий! А может...

– Не искушай. Кстати, Иоанн рассказал мне одну историю. Давай лучше её обсудим?

Глава 6

Ужас

(Садовое кольцо, напротив улицы Гиляровского, Москва)

...Сотовый хрустнул в кулаке. Его владелец, похоже, потерял рассудок. Набирал номер каждую минуту, а в ответ только «ту-у-у... ту-у-у». Припарковался, вышел из «тачки», позвонил из бесплатного таксофона: может, абонент видит на дисплее знакомые цифры и не хочет ему отвечать. Глухо. Вернулся. Долго слушал небывало длинные гудки. Сбросил, выбрал другой номер из «записной книжки». Без толку. Обычно спокойный, насмешливый и рассудительный, он превратился в параноика. Шесть часов вечера. Самые пробки. Машина едет еле-еле, и ничего не сделаешь. Мда, привык решать все проблемы деньгами... В подобные моменты ощущаешь себя беспомощным, как младенец. Вертолётами в этом проклятом городе пользоваться нельзя. Человек ещё раз взглянул на часы – нервно, безумными глазами... Судорожно облизнул сухие губы.

Там что-то случилось.

Пробка двигалась в час по чайной ложке. Сигналы раздавались сплошь и рядом, и это тоже раздражало. Какой смысл гудеть, если ты отсюда никуда не денешься? Рядом хлопнула дверца – девушка в красном платье, матерясь по смартфону, вышла на дорогу, направляясь к ближайшему киоску с кофе.

Что называется, тут вслед за солистами вступил хор. Хлопки зазвучали пулемётной очередью. Всё, встали НАМЕРТВО.

Выхода нет.

Схватив смартфон, он выскочил из машины и побежал. Ключи остались в зажигании, но дьявол с ними. Не глядя, отпихнул какого-то старика, вставшего на пути, устремился в подземный переход. Каблуки ботинок застучали по лестнице. Чёрт! Тут же ещё билеты нужны! Вот что значит, до фи-га времени в общественном транспорте не катался... Сколько они стоят? Подскочил к кассе, бросил сторублёвку, вроде должно хватить... Еле дождался кусочка картона, повернулся... Турникет! Куда сунуть карточку? А, приложить... С-суки, понапридумывают всякой хрени. Дальше? Эскалатор... уже забыл, что это такое, только в мегамоллах на них и ездит. Промчался по левой стороне, мимо уткнувшихся в экраны телефонов людей. Платформа. Шум. Куда, блядь, ехать?

Время, время, время, уходит время. Ударил себя кулаком по лбу, чтобы быстрее соображать. Ага, он на серой ветке, «Тульская»... Сюда. С угрожающим свистом подлетел поезд, он с трудом протиснулся в вагон, злобно оглядывая соседей. Что им вообще здесь надо? Снова поднёс трубку к уху. Нет сигнала, въехали в тоннель. Выругался. Старушка с жёлтым полиэтиленовым пакетом странно на него посмотрела, даже отодвинулась – насколько смогла в толпе. Раздражало буквально всё. Теснота. Приклеенная к стене

идиотская реклама с напрочь упоротой дурой, предлагавшей новые сотовые тарифы. Жующие жвачку, безразличные ко всему, оплетённые проводами наушников пассажиры словно уснули летаргическим сном. Стук колёс. Бегущая строка красных букв: «Следующая станция “Чеховская”». Как хочется взять и устроить драку прямо сейчас. Прямо за их свинскую тупость. Рожи, уткнувшиеся в гаджеты. Никчёмное веселье. Флегматизм, граничащий с равнодушием. Твари. Ненавижу.

Он едва дождался нужной станции.

Рванул вверх по эскалатору, слыша за спиной возмущённые крики, перепрыгивая сразу через две ступеньки. Взглянул на дисплей: заряд батареи показывал в правом верхнем углу восемь процентов, скоро совсем сдохнет. Оказавшись на улице, человек вновь побежал. Это далось ему не слишком легко – он быстро запыхался, лицо покраснело, на лбу виноградинами вызрели капли пота, в ногах отдалось острой болью. Остановился, чтобы отдышаться. Так, какой дом? Ага. Кажется, налево. Во двор. Новое здание, двадцать этажей, у детской площадки бабушки гуляют с внуками, визг, крики. С хрипом вытер лоб. Нашарил ключ в кармане пиджака, приложил к кнопке на двери подъезда. Писк. Финский лифт вёз вверх бесшумно и плавно, в точности подтверждая многочисленные анекдоты о скандинавской тормозности. Наконец кабина дрогнула и замерла. Тихо, как в замедленной съёмке, разъехались створки. Человек нере-

шительно замер у двери, обитой светло-коричневой кожей, вертя в руках связку ключей. А вдруг всё нормально? Ну, мало ли что. Парень элементарно напился, спит, не слышит звонков, с ним такое и раньше случалось. С чего терзаться ледяным ужасом? Нет. У него предчувствие. Два случая за одну неделю, теперь и этот не берёт телефон. Сотовый Милли, часто ночевавшей у него, тоже молчит. Совпадения исключены. Ключ со скрежетом повернулся в замке. Хозяин квартиры предоставил ему возможность посещать своё жилище недавно, всего месяц назад. Словно что-то предвидел. Вложил в руку звякнувшую связку: «Доступ есть у Милли... Мало ли, ты не сможешь нам дозвониться, тогда срочно приезжай... Чувствую, понадобится». Он тогда посмеялся. Похоже, у всех интуиция, лишь он не может ощутить масштаб катастрофы. Человек осторожно открыл дверь. Встал на пороге. И с первой же секунды сразу понял... Кровь была везде. Он инстинктивно прижал пальцы ко рту. Запах освежёванного животного. Палёной кожи. Ядовитого дыма. Дерма. Обои красного цвета, со стекающими загустевшими каплями. Обломки мебели. Тлеющее пианино в мелких алых угольках. Битое стекло, разлетевшееся по комнате. Тела обоих мертвецов истерзаны, груди вскрыты, как ножом мясника – наружу торчат рёбра, словно растопыренные огромные пальцы. Похоже, мужчина и женщина перед смертью сплелись на полу телами, стиснув боевую гранату животами, и, выдернув чеку, вместе отсчитывали секунды до взрыва. Кус-

ки человеческого мяса смешались с чешским хрусталём из серванта. Лицо мужчины превратилось в кровавую маску, — лишь одинокий, чудом уцелевший голубой глаз смотрел из *багрового* месива содранной кожи и костей черепа. Голова женщины отсутствовала — как, впрочем, и верхняя часть тела, оплавленная блузка впечаталась в плоть. Опоздал. Ничем не поможешь. Разве только труповозку вызвать.

Он автоматически, словно робот, проследовал на кухню.

Полез в холодильник. Тут же обругал себя матом. Откуда привычка? Ночной дождь — видишь белый полированный ящик, сразу заглядываешь внутрь, как зомби. Но и останавливаться не стал. Что там внутри? Ага, виски... У них это болезнь, последние годы вся группа страшно пьёт, держатся только на вискаре, как машины на бензине. Фигня, «Баллантайнс», но ладно... Вытащил из мойки стакан, налил на два пальца... Подумал и добавил до краёв. Большой глоток. Отлично, хоть руки перестанут трястись. Нет, не от нервов или страха. От ярости. Третий случай подряд! Вовсе уже не совпадение и не эпидемия вируса сумасшествия. Это, как ни прискорбно, его персональный «косяк» — придётся признать, что предупреждения были не бредом друзей, сходящих с ума от галлюцинаций. Именно поэтому группа за короткое время потеряла четверых... А если всё продолжится, погибнут и остальные. Где гарантия, что следующей жертвой не станет он? Нужно срочно, прямо сейчас собрать уцелевших и совместно выработать стратегию сопротивления. Он тоскли-

во посмотрел на почти опустевший стакан, взболтал содержимое на доньшке, поднял на уровень глаз. Но отчего начались самоубийства? Почему *пришествие* вызывает панический ужас, желание прикончить себя? Да, напрасно в чужом доме он так по-хозяйски раскупорил бутылку и без смущения поглощает алкоголь. А вдруг выпивка отравлена? И он, сам не зная, уже умирает... Недаром после глотка появилась щемящая боль в сердце. А если...

Так. Хватит, блядь.

У него остались мозги. Он не поддастся панике, и руки трястись не будут. Человек рывком встал. Слегка пошатнулся, но удержался на ногах. Заставил себя вернуться в раскуроченную взрывом комнату, где пахло дымом и бойней. Поди теперь разберись, с чего всё началось – как старый друг, устроившись на полу, обнял давнюю возлюбленную и прижал к телу гранату? Что конкретно виделось обоим перед смертью? О чём они думали? Человек закрыл глаза. Сердце больше не колотилось, разрывая рёбра. Наступило спокойствие. Что ж. Он потерпел неудачу. Но возможно, ещё удастся спасти других, пока те не решили уйти из жизни. Он вытащил смартфон, быстро выбрал нужный номер. Поднёс к уху.

– Слушаю.

– Это я.

– Я занята.

– С кем-нибудь в постели, как обычно?

– Тебя волнует? Говори быстрее.

– Фани и Милли мертвы.

– (*Враз севшим голосом.*) Что?!

– Да, как и остальные. Покончили с собой. Хотя и не уверен на сто процентов... Возможно, ловкая инсценировка... Либо мы подхватили нечто вроде вируса, который скоро истребит нас всех. Иного объяснения у меня нет. Ты умеешь молиться, солнышко?

– Не шути так. Есть план, как разобраться с проблемой?

– Нужно посоветоваться. Собери всех.

– Когда?

– Прямо сейчас, в ресторане. Заканчивай трахаться и обзвони оставшихся.

...Не дожидаясь ответа, человек выключил смартфон. Подошёл к растерзанным трупам, присел на корточки и внимательно заглянул в остекленевший голубой глаз. Мысли, заполонившие голову, ему не нравились. Он понял, что сам начинает ВЕРИТЬ.

Глава 7

Фарисеи

(в одном из отделений лечебницы на Загородном шоссе)

...Ладно. Я же не прилетел с другой планеты (хоть некоторые из вас так и считают). Мысли человечества легко понять, даже с поправкой на современность. Нынешние люди изнежены. Они не могут жить в гроте (пускай и благоустроенном) и ловить речную рыбу на обед, как в былые века. Привычнее добывать пищу в супермаркете, а для этого нужны деньги. Главный смысл бытия. Через стену от меня лежит забавнейший парень. Он был священником (то есть служителем в мою честь) в храме, где хранилась редкая икона с моим изображением. Очень дорогая. На современные деньги примерно... Ох, никак к ним не привыкну. Римляне использовали сестерции, денарии и ауреусы, а тут все считают в баксах – денежная единица государства, находящегося аж в другом полушарии. Представляю, как граждане гордого Рима с замиранием сердца следят за курсом парфянской тетрадрахмы, обсуждают, зависит ли её повышение и понижение от стоимости стад овец, и едва колыхнутся циферки, толпами бегут к базарным менялам – ведь нужно вложить сбережения, денарий обесценивается с каждым днём. Опять отвлёкся, простите мне эту привычку, в моём характере разливаться мыслями, словно мелкими ручейками. Так вот, на совре-

менные монеты мой лик стоил около пятнадцати тысяч баксов. Священник таких денег никогда в руках своих не держал. Но он, вероятно, и устоял бы, — однако в дело вступила эффектная прихожанка, лет эдак двадцати пяти. Девушка быстренько уговорила молодого пастыря похитить икону и сбежать вместе с ней в тёплые края, кайфовать под пальмой. Вы знаете, я не осуждаю. Он мне показывал её фото на телефоне... Что вам сказать? Будь я обычным жителем Земли и уделяй меньше внимания условностям, я бы тоже с такой сбежал. В отличие от античной Иудеи в современном мире чрезмерно много соблазнов, на которые требуются деньги. Ведь в правление тетрарха Ирода Антипы не было олл-инклюзива, айфонов, новых моделей железных повозок, телевизоров во всю стену и таверн, где греческий салат обойдётся в годовой бюджет небольшого африканского государства. Иначе конец Иудейского царства наступил бы значительно раньше — несомненно, Ирод Антипа возжелал бы каждый год покупать себе по айфону, дабы быть не хуже заграничных государей и самого наместника великого цезаря Понтия Пилата. А там и повозку «лексус» подавай, конечно. И ездить на лучшие нубийские пляжи, проживать в дорогом постоялом дворе, посылая частыми гонцами иерусалимским знакомым бронзовые таблички с собственными изображениями: в море или во время поедания фаршированной рыбы... Каков тогда мог быть аналог вайбера или ватсапп? Не нужно иметь дар провидения — и так ясно: Антипа погряз бы

в кредитах лишь по причине ежедневных доказательств обществу, что он тоже не лыком шит. Так что я читаю мечты падшего священника – неоновые огни рекламы не его одного свели с ума. Ну, дальнейшие события весьма предсказуемы. Пастырь решился, удрал с прихожанкой и иконой, беглецы заночевали в небольшой провинциальной гостинице. Восстав поутру с мятого ложа страсти, бедный жулик не обнаружил рядом с собой ни горячей любовницы, ни украденного сокровища. В полной растерянности он пребывал в пустом номере, пока вскоре не выяснилось: нечем оплатить счёт. За ним с неизбежностью грядущего Апокалипсиса явились стражи порядка. В бедняге не замедлили опознать вора (фотографии и описания внешности уже были разосланы по всем отделениям полиции), и он с перепугу крайне удачно симулировал сумасшествие. Столь блестяще, что из тюрьмы узника определили прямо сюда. Если бы в изоляторах временного содержания давали «Оскара», не сомневайтесь, он бы его получил.

А теперь ощутите весь ужас страдальца.

Он уже смирился с мыслью, что бога нет. Более того, уверил себя в этом. Есть только бабло, каковое можно выручить за икону и шикарно прогулять в компании девочки с четвёртым размером бюста. Ну а Господь, видимо, где-то там имеется, но точно не здесь и не сейчас, особенно в момент, когда ты лезешь подружке под юбку. Парень попадает в психлечебницу и в первый же день натывается на бога. Да, вот

так вот запросто. Я удивляюсь, как пастырь по-настоящему не рехнулся после подобного оборота событий. По крайней мере, целый час он вёл себя странно и пытался с дикой нервозностью убедить меня, что я душевно нездоров. Ну конечно. Я нехотя превратил бумажную салфетку в две мясных тефтели (извините, от злости на постоянное сомнение во мне элементарно фантазия не сработала), и пастырь в ту же секунду уверовал. И на редкость фанатично. Дай ему волю, парень бы для этих тефтелей отдельный храм выстроил. Страдальца разрывало от раскаяния, он отчаянно рыдал, умоляя о прощении. «Да никаких проблем», – скучно сказал я ему, чем поверг пастыря в полнейший ступор. Угу. В современном понимании, бог – нечто вроде гибрида гестапо с загонщиком коров. Если вовремя не ударил кнутом, животное не поймёт команду, до него не дойдёт, хорошо оно сделало или плохо. Вот когда в воздухе просвистит хлыст и с разорванной кожи брызнет кровь – тогда да. А иначе невозможно уяснить, что красть, воровать или убивать нехорошо. Это эксклюзивная функция бога – грубо взять грешника за шкуру и хорошенько потрясти в воздухе. Хотя для отдельных категорий населения и такое не работает. Вот смотрите. Недавно профилактики ради я явился группе боевиков в Ираке (под Мосулом, вы небось сей город и не знаете), попытался донести им благую истину: дети мои, лишение жизни братьев ваших – великое кощунство перед лицом Господа. Не прошло и тридцати секунд от начала проповеди, как они открыли по

мне шквальный огонь. Пришлось треснуть по всем электричеством, что посреди ясного неба было нелегко, но я справляюсь с подобными вещами. Скажете, я мог бы просто развеяться в воздухе? Чистая правда. Но я по-божественному обиделся. Что за наглость такая? Сам Создатель с проникновенными речами – типа, подумайте о душе своей, миряне, – мне запросто без лишних рассуждений пулю в лоб? Даже в античности и то бесились не сразу.

Пастырь не понимал, почему я равнодушен к иконе. А ведь всё просто.

Я вырос в стране, где бога изображать не принято⁶. Он должен существовать сугубо в воображении у прихожан. Сегодня же расцвёл настоящий культ меня. Мои портреты покупают и продают. Некоторые картинки напечатаны на дешёвом принтере и стоят тридцать рублей (вы чувствуете тонкую иронию этой цены, пусть монеты нынче и не чеканят из серебра?), другие обойдутся в тысячи баксов. Я смотрю и вижу себя самого отовсюду: я болтаюсь на жилистых «реднеках» и лебединых женских шейках, вишу на стене почти в любом доме, украшаю «красные углы» старушечьих каморок и даже появляюсь на футболках спортивных фанатов. И вы думаете, мне приятно? Вообще какая-то ненормальность – вознесли до небес персонаж, и давай его валять на все кор-

⁶ В иудаизме не принято изображать не только бога, но и вообще живое существо. По этой причине даже монеты при Римской империи чеканились не с ликом августа, а с изображением пшеничных колосьев.

ки, лепить на каждое свободное пространство... Вот на этой части света сначала был бог Перун, потом я, после бедный дедушка Ленин, а затем опять я. Люди никогда не меняются, они просто меняют предмет поклонения. Я могу тысячу раз произнести «не сотвори себе кумира», но что толку? Каждый считает: это я кому-то другому сказал, а не ему лично. Кража доски с моим ликом подпадает под порчу произведений искусств или под обычную заповедь «не укради», но мне по барабану. Это люди придумали почитать образ, а не я.

Как, впрочем, и многое другое.

Мои пастыри на удивление забавны. Далеко не первый раз я являюсь человеку, служащему мне истово, верующему в меня, и он всей душой поражается, что я существую. У кого-то и инфаркты случались, я не шучу. Но блин, им же верить по должности положено! А едва придут в себя, прямо огорчаются – ах, да ё-моё. Неужели ты явился? Ой, как не вовремя. Да разумеется. Когда б я ни спустился на Землю, это всегда некстати. Чему всегда приводят интересные и, главное, логичные обоснования. Но хорошо, я не об этом. Что такое две тысячи лет в истории Земли? Единый миг, глазом моргнуть. Но насколько же всё изменилось в восприятии людей! Я прибыл в Иерусалим на осле, но сейчас гужевой транспорт отмер полностью, и пастырям требуются самодвижущиеся повозки последнего класса, желательно подороже – «лексус», «ауди», «вольво». У этого, совершившего святотатство, подержанная «бээмвэ». Я ему говорю: ты по-

лагаешь, у меня осёл был с наворотами? Тюнинг такой, ага – с особой сбруей, седло с подогревом, летние подковы, кондционер на шее в виде опахала из павлиньих перьев. Не, он даже не оценил иронии. На колени бух – и молиться. О, я впечатлён. А ведь автор-изобретатель его религии путешествовал сквозь Иерусалим в одной тунике и сандалиях, жил без удобств в гроте, крестил и благословлял всех бесплатно. Глупо, правда? Первые пастыри умирали за мои слова на аренах римских амфитеатров от когтей и клыков диких зверей, целыми городами уходили жить в подземелья⁷, чтобы сохранить святую веру. Едва же религия перестала быть гонимой, проповедники обвешались тоннами золота, отстроили огромные каменные святилища (где человек внутри кажется букашкой), начали торговать свечами, моими портретами, лампадным маслом, записями песен в честь моего рождения, открытками... О нет, я сейчас выругаюсь. Обалдеть можно. Они такого понапридумывали, что и после кувшина самого крепкого вина не приснится. Настоящее фарисейство. Я сейчас объясню смысл сего умного слова. Было давным-давно у нас в Иудее такое популярное религиозное течение – очень достойные ребята доказывали, как надо правильно соблюдать заветы бога. Так вот, поучать с королевским видом фарисеи были горазды, однако своим же сове-

⁷ Такие города до сих пор можно видеть в Деринкуйю (Турция), где преследуемые христиане жили в подземельях, уходящих вниз на девять-пятнадцать этажей.

там они следовать не спешили. Увы, современные пастыри с ними близнецы-братья. Призывают жить в скромности при полном отсутствии жизненных благ, а сами разгуливают в шитых золотом туниках, живут в роскошных квартирах, катаются на «лексусах». И убеждают: нет, дети мои, перед вами вовсе не то, что вы видите. Вилла на Рублёвке – это тот самый грот в Гефсиманском саду, а «лексус» – суть прообраз чахлого осла. А бог не брал деньги за крещение лишь потому, что тогда не было кассовых аппаратов. Я объясняю бедному святотатцу, но тот лишь исступлённо молится и смотрит на меня влюблёнными глазами да лбом об пол стучит. Шишку набил уже. Совсем идиот. Я ведь ему сказал – ПРОЩАЮ. А он бьёт и бьёт поклоны, словно за мной стоит кто-то ещё. Как я устал, вы бы знали.

Даже мои собственные пастыри не понимают, кто я такой.

Ухожу в свою палату, а он просит молиться за него. Кому мне молиться? Себе, что ли?

Глава 8

Комары

(бар «Рок-н-ролл», почти утро, совсем светло)

– У тебя уже конкретно язык начинает заплетаться. Может, хватит?

– Н-нет. Д-давай, сотвори ещё вина. Бокальчик... хотя... л-лучше д-два.

– Скоро тебе придётся аспирин сотворять.

– Ну, п-пожалуйста!

– Допустим, ровно сто пятьдесят граммов. Не проверяй, у меня как в аптеке.

– *(Звук глотка.)* Обалденно. *(Удар ладонью по коже.)* Проклятый комар! Аж протрезвела.

– Они бесцеремонны, да.

– Зачем ты их придумал? Разве нашему миру не хватало лишь кровососов?

– Мир был бы прекрасен без многих существ, включая и вас. Ты не представляешь, что это такое – сидеть невесть сколько миллиардов лет в небесном одиночестве. Только и остаётся, что фантазировать, «обсасывая» мельчайшие детали. Поэтому на Земле и есть три тысячи видов комаров. Я развалился на облаке и не спеша обдумывал – у кого какой хоботок, крылышки, кто какие болезни разносит. А чего, времени-то вагон. Когда дело дошло до млекопитающих,

фантазия немного истощилась. Скажем, тигров сочинил всего девять разновидностей. Вот просто не смог больше. Помнится, сижу и мучительно размышляю: ну усы, лапы, хвост, полосы, – а дальше что? Хоботок не придумаешь.

– Руку даю на отсечение, тигр с хоботком был бы забавен.

– Тебе волю дай – и слоны бы на крыльях летали. У меня всё строго.

– А почему слоны не летают? Это же так романтично.

– Кто сказал? Они летают. Ночью, пока ты не видишь.

– Правда?!

– Нет. Я прикалываюсь.

– (*Разочарованно.*) Шутник. Так, значит, ты создал Землю со скуки?

– Это неизбежно, если тебе веками нечего делать. Признаться, далеко не первый случай. Уже было несколько планет. Марс, например. Я всё там прекрасно организовал – каналы, красный цвет почвы, животных... Ах, какие там были животные! Ты и с марихуаны не выразишь себе гордого лицевого сумадрила или грациозность бегущей на тебя мохнатой логожабы. Моя постоянная ошибка в том, что вместе с прочими живыми существами я неизбежно каждый раз создаю себе подобных. Чтобы с ними было о чём поговорить за чашей превращённого из воды вина, обсудить ненастье за окном и поделиться грустью. Но нет. Эти паразиты размножаются и начинают гвоздить друг друга со страшной силой. Так произошло и на Марсе. Теперь он мёртв.

– Боже мой...

– Да, это я.

– Нет, я о другом. Интересно, какие мы по счёту?

– Я не помню, если честно. Восьмые. Может, девятые. Не исключаю, что и больше. Даже любопытно – люди создают фильмы про инопланетян, так мечтают встретить мыслящих созданий, чтобы убедиться – мы не одни во Вселенной. Но им и в голову не приходит задуматься – а почему вокруг одни мёртвые планеты? Вдруг раньше и Марс, и Венера, и Юпитер, и Сатурн были живыми? А потом произошло нечто страшное, и тогда они...

– (*Жалобно звенит отставленный в сторону бокал.*) Мне не по себе. Что ты сделаешь?

– Я не знаю. Я создаю планеты, населяю их, а потом они уничтожают себя сами или мне приходится выжигать их начисто. С вами я давно оставил эту затею. Вы неубиваемы. У вас очень упорные отдельные нации. Например, японцы. Как известно, с ними и двумя атомными бомбами не справились. Русские не хуже.

– (*Вернувшись к бокалу.*) Русские разве упорные? Скорее, упоротые. Нам всё лень.

– Этим вы и круче. Существуете на Земле тысячу лет. Но на вас нападали печенегы, хазары, половцы – таких наций больше не существует, растворились в небытие. Татары неизвестно как уцелели. Нет Багдадского халифата, нет Византийской империи, нет падишаха Великих Моголов, нет Ак-

текского государства – а вы до сих пор есть.

– Мы такие умные?

– При чём здесь ум? Вы мутировали. Пофигизм буддийского стиля. Любой, возжелающий с вами справиться, увязнет, словно в киселе. Вы хорошо воюете, только когда вам для разогрева морду набьют. А если вас кто-то и покорит, так он потом сам сдохнет, потому что вы будете соглашаться с ним, поднимать его знамя и носить его одежду, но делать всё по-своему. И в конечном итоге этот завоеватель сопьётся либо повесится. Вы считаете себя народом-богоносцем, но даже я вас опасаюсь.

– Почему?

– Да вот так уж. Сначала вы приносите куличи святить, рьяно соблюдаете посты и истово молитесь, а потом выходите светлым утром на крыльцо, и давай крушить церкви направо и налево. Я равнодушен к культовым строениям, но подобной ярости несколько поражаюсь. Взять хотя бы метро «Кропоткинская». Храм, бассейн, храм. А дальше? Небось опять бассейн. Вы безжалостны не только к себе, но и к богам.

– С чего ты взял? Разве мы над собой издеваемся?

– Ты хотя бы посмотри на вашу ипотеку. Это доказательство, что Дьявол существует.

– *(Резкое движение, вино чуть сплёскивается из бокала.)*

Вот! Точно, а Дьявол есть?

– Не знаю. Я ни разу его не видел.

– (Оторопев.) Не может быть. Церковь везде даёт ссылки на Дьявола.

– А ещё она на каждом шагу даёт обоснования за любой чих святым отцам денег занести. И уверяет, что сии традиции сделал законом именно я. Разумеется, если я олицетворяю добро, то должно наличествовать и зло – ради равновесия. Но рискну выдвинуть предположение, что Дьявол современному обществу не нужен. Вы прекрасно обходитесь без него. Никакой Дьявол во всей демонической хищности не додумается до того, чтобы переспать с мужем лучшей подруги, а вечером сочувственно поддакивать ей за ужином в ресторане: да-да, все мужики козлы. Это я не про тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.